

**Борис
ЛУКИН**

*с. Архангельское,
Московская обл.*

ПОЕЗД

МОСКВА - СЕВАСТОПОЛЬ И ОБРАТНО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я понимаю – надо писать жёстко. Надо перестать мямлить! Даже не во имя тех ребят, что сейчас на фронте. Они если и прочтут, то не скоро. А ради десятка тысяч матерей, отцов, братьев и сестёр этих самых героев.

Только как же вот так сразу переделать себя? Москвича, литератора, который единственный раз всего и крикнул «позор», потому что не мог понять, почему «русская премия» вручается украинскому националисту (статья об этом опубликована <https://svpressa.ru/blogs/article/119800/>).

Но сейчас я еду в Севастополь в Бригаду погибшего сына. Самолётом было бы куда легче. Хотя бы потому, что два часа перелёта так просто молчать...

Поезд всегда был для меня испытанием, а сейчас, когда я узнал о гибели сына в Мариуполе, стал почти невыносим. Но... деваться некуда.

Я верующий человек, поэтому к каждой встрече отношусь как к Божьему промыслу.

Вот и эти встречи в поезде Москва – Севастополь и обратно окажутся из этой чреды.

Что такое может произойти в поезде? В принципе

– ничего особенного. Комфортно ехать, кормят, чистенько и не шумно.

Но рядом люди. И это – москвичи. Вот семидесятилетний абсолютно лысый хиппи из шестидесятников. Он, кажется, не повзрослел с той поры. Мало того, он счастливо влюблён в даму на два десятка лет моложе его, с которой «зажигает» на всех джазовых танцполах столицы... и искренне не понимает, почему она предпочитает посетить с ним зоопарк, посмотрев стареньких львов, вместо визита к нему домой. Ну что мне до него?

Он сразу же обозвал меня по-московски, но не совсем к месту – прощелыга. Я впервые не реагировал. Он был намного старше. Да и сложен он, как у нас во дворе говорили – соплёй перешибшь. Сыр-бор вышел из-за его огромных чемоданов, которые он не захотел сдавать в багажный вагон, а попытался положить всем соседям в купе поперёк прохода. Типчик, несомненно, был ещё тот... Если бы я не лицезрел таких же три десятка лет, то, может, с увлечением слушал и наблюдал подобного индивидуума.

Спросите, что же в нём такого особенного? До 24 февраля 2022 года для всей страны, а для ме-

ня – до присоединения Крыма и начала войны в ДНР и ЛНР, такие люди толерантно соотносились со свободными в своём выборе личностями. Но теперь всё изменилось.

Я терплю его почти сутки, он не даёт всем нам спать, так как интернет есть только на станциях, а ему обязательно надо пообщаться со своей пассией в ночь-полночь... Терплю, что он не уважает институт брака, не понимает, что у мужчины должны быть дети, которых он счастливо взрастит, которыми он будет гордиться, как и они им. Он гордится собой и своими успехами в сексуальном плане... А я еду в Севастополь... Там меня ждут однополчане сына. Они как раз вернулись из госпиталей после ранений. Я слушаю «танцора» и опять сдерживаюсь, чтобы не дать ему по морде.

Я терплю, понимая, что он – воплощение Москвы, Питера, Екатеринбурга (из которого от одной из моих коллег на известие о гибели в Мариуполе сына я получил краткий ответ: «собаке – собачья смерть»). Он и она – олицетворение ельциновско-солженицынских последователей, которые до сих пор находятся во всех эшелонах власти, особенно на образовательно-культурологических этажах. До недавнего времени даже в армии их было слишком много. Иначе в первые месяцы СВО не убили бы у нас столько генералов и полковников... И тут я думаю – а можно ли об этом говорить? Нужно!

Сосед на московский вкус – милейший типчик. Дамы-соседи воспринимают его со смешками и иронией, пока во время прощания в Керчи он не предлагает сорокалетней соседке помочь с продолжением рода, на полный серьёзе считая, что он – элита нации... Женщина (ровесница моих старших детей) культурно отшучивается, вместо того чтобы дать ему оплеуху, которую он, несомненно, заслужил.

Я – снова зритель. Просто мой кулак уьёт его на месте... Он не знает, что я обо всём увиденном ещё напишу и потом опубликую гнусную историю Макса (такой оказалась его танцкличка). В принципе, для столицы он обычный успешный обыватель в третьем – четвертом московском поколении. И я это понимаю. Но – не принимаю. Сейчас – совсем не принимаю. Именно сейчас, когда гибнут наши дети в борьбе с неонацизмом, я особенно стал требователен к окружающим. И сразу спрашиваю их, что они сделали для мальчишек, которых один из военков назвал «детьми-крестonosцами».

Поезд... А как он без вокзала и дороги до дома? На вокзале Симферополя и Севастополя много раненых парней. Все здесь к ним привыкли. На них вообще не оборачиваются. Я же провожаю каждого взглядом, потому что теперь все они – мои дети.

Совсем скоро я встречу с такими же... А пока я еду в такси. Водитель – крепкий мужчина средних лет. Разговариваем обо всём, доходим до войны, и он оказывается офицером-десантником. Не понимает, почему его и сослуживцев не пускают на фронт (это было еще до изменения в законе о контракте). И мне становится немного легче... Я ощущаю себя в России, хотя это – Крым, Севастополь, в котором даже наши мобильные сети до сих пор не работают, в котором нет нашего нано-сбербанка (*Сбер появился в Крыму только в январе 2023 года.* – **Комм. автора**), но в котором на каждой стене, на каждом рекламном щите я вижу лица солдат и букву Z. Мне этот город роднее чужой сегодня Москвы, где я прожил почти сорок лет, где родились мои восемь детей.

Вспомнился мне давнишний спор о современной Москве и москвичах с Анатолием Парпарой в Брянске. Даже не спор, а скорее полное расхождение во мнениях. История доказала мою правоту...

Служивцы сына... Мне скоро шестьдесят. И все однополчане сына – ровесники моих детей, мои дети. Но теперь я со странным для меня терпением наблюдаю их мальчишество, прежде казавшееся мне излишней тратой жизненного времени. Вот он рядом со мной – солдат-парнишка – рассказывает, как и что там было. Я внимательно слежу за его движениями и глазами. Никакой фальши, рисовки, попытки похвалиться. Тихая грусть и спокойствие. Он уже многих похоронил. Многих врагов положил. Сам чудом остался жив. А ему-то всего ещё двадцать исполнилось в ночь на 24 февраля 2022 года. И скоро ему обратно. И он вновь пойдёт защищать и... мстить за друзей. Но он вернётся с войны, потому что не успел съездить к своим на могилы, поклониться...

Писать жёстко? Я любопытен. Поэтому расспрашиваю обо всём. И в первую очередь о необычном, запомнившемся. Кроме гибели товарищей важным оказывается странное поведение нациков (кстати, сейчас они их называют «немцами»), а те, совсем как в фантастических боевиках, даже с перебитой автоматной очередью ногой продолжают скакать на стрелявшего и хохотать во всю глотку, вбирая пулю за пулей в своё напичканное американскими таблетками тело...

Парни мои почти не матерятся, хотя я помню по рассказам сына, что это нонсенс. Он сдерживается, зная, что я писатель... отец товарища, дядя Боря...

Ночью снится сын. Мы рыбачим... Мы опять рыбачим, как когда-то в детстве. Это повторный сон. Я его уже видел рано утром на подъезде к Ростову-на-Дону. К тому городу, где через два месяца поисков всё-таки найдётся мой погибший

сын, потерянный во время эвакуации «двухсотых и трёхсотых»...

Севастополь кажется совсем обычным. Если не читать интернет-страницы, на которых жёны и матери обсуждают отpravку своим воинам посылок и писем. Им, в некотором смысле, хорошо... Они в Севастополе и могут это сделать на КПП части... Мне этого не удалось ни разу. Москва далеко. Военной почты сегодня почему-то нет (кстати, она появилась к осени 2022 года).

А наш разговор с сослуживцем продолжается. К нам присоединяется ещё один товарищ сына. И они, вдруг забыв обо мне, начинают разговор о нуждах оставшихся на передовой. Оказывается, что сейчас идёт сбор средств на генератор, газовые плитки и баллоны, палатки и прочую житейскую требуху, о которой «успешные менеджеры, реформировавшие армию» несколько лет назад, конечно, и подумать не могли. И что я слышу? Ребята скидываются из своих, полученных за ранения выплат, на помощь товарищам.

Пройдёт несколько дней, и я расскажу об этом своему новому спутнику в поезде. Такая правда шокирует его... Успешный столичный бизнесмен, он с товарищами с первых дней пытался переводить деньги на всякие сайты «помощи», многие из которых оказались в итоге мошенническими.

Но пока я в Севастополе и слушаю жителей, наблюдаю, запоминаю. Вот загружают в «жигулёнок» ящики с патронами прямо у КПП. От принятой тяжести машина уезжает почти на пузе, за ней – следующая. Ну, нет свободного транспорта. А везти надо. Ждут «за речкой» даже такую на пузе ползающую старательную кобылку. Впереди у неё километров 200-300.

Я опять слушаю, спрашиваю, не понимая, почему все военные так по-разному одеты? Разноцветные каски. Не похожие друг на друга бронезилеты. Камуфляжные костюмы, и те словно для комиксов напялены. Просто всё куплено за свой счёт. Всё собрано по друзьям и коллегам. Магазины военного обмундирования в Крыму почти пусты. Профессионального обмундирования – днём с огнём не сыщешь.

Жёстко надо писать... Но это всё оказывается цветочками. Потому что по возвращении в Москву я слышу только про гонорары певцов, выступавших на Донбассе, про необходимую жалость к сбежавшим и предавшим Россию «творческим» нахлебникам, пялюсь на глупую рекламу вместо портретов героев на улицах и на экранах в поездах метро.

В последующие две недели выслушиваю экивоки общественников своего подъезда, никак не понимающих, можно ли рассказывать жильцам, что в

этом доме жил героически погибший воин, мой сын. Они на полном серьёзе переживали, не травмирует ли эта информация наших соседей.

Поездов было много. С одного из них я сошёл в день освобождения Мариуполя, на душе было светло и грустно. Да и салюта в этот день в столице почему-то не было. Зато были написаны стихи для будущей книги.

Спутники были разные... Поездов до Победы ещё будет много...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Поезд... Несколько часов назад выехали из Симферополя. Недавно проехали Джанкой, в котором сел в купе парнишка, ровесник моего погибшего сына.

Тревожно от этого соседства – потому что паренёк харизматичен, даже самоуверен, уже сейчас видно, что он из породы тех, которые в недалёком будущем – «обязательно во власть» и «по головам». Он по-современному непреклонный, отрицающий многое, не совсем верно понимающий слова: Родина, патриотизм. Истину «кто не знает и не ценит прошлого – не имеет будущего» ещё не постиг. Всё, по его понятию, должно быть ровненько и чистенько, как в Германии, а не как в «развалюхе России»: домики одинаковые, а уж что ты делаешь внутри своего домика, никого не касается – пишешь ли стихи или занимаешься непристойностями – это личное дело каждого.

Скоро Крымский мост. Немного страшновато – потому что противник на украинской стороне абсолютно невменяемый. Проехали.

Закончилась территория Крыма. А значит, надо переключаться на российского оператора. Станным образом на территории России есть места, где сотовые операторы не общероссийские. Понимаю, что дел сейчас в стране невпроворот, но всё же как-то непривычно жить без банкомата Сбера (шутка). Однако скрашивает его отсутствие одновременная самоликвидация придурковатых рекламщиков, заработавших на наших вкладах и операциях и убежавших из неприлично, по их мнению, ведущей себя этой страны.

В это же время моя дочь едет поездом в Центральной России. Созваниваемся. На столе у неё журнал «РЖД». Ещё не открывала... А я уже вспомнил имена либеральных авторов прежних лет на его страницах, сегодня большинство из них – иноагенты. Интересно, а что сейчас в нём? Присылает фотки страниц, оказывается, что почти ничего в журнале не изменилось, разве что дата на обложке «июнь 2022». За окном моего поезда на каждой станции

грузовые поезда: туда – с новенькой камуфлированной и открытой техникой с тактическими знаками Z или оттуда – побитая, отправленная на рембазу. На платформах патрули.

А в журнале сплошной туризм и шопинг. Нет у РЖД никакого СВО... И так по всей стране, на всех направлениях: Москва – Санкт-Петербург, Москва – Нижний Новгород, Москва – Курск... Да и не ходят эржедэшные поезда в Крым. А ведь уже 8 лет Россия!

Хотя в поездах «Таврия» (эта компания и занимается организацией перевозок на полуостров) именные вагоны, на стенах много информации о Великой Отечественной войне с портретами героев. Узнаю очень много нового. Российские железные дороги и тут как бы в стороне... одно слово только сближает нас – «русские».

Постойте, есть ещё кое-что: сближает рассказ о действующих в РФ детских железных дорогах. Когда-то я учился в такой детской школе на машиниста. Воспоминания: чувство взрослости, ответственность за других, хоккей в настоящей, а не дворовой форме, уверенность в будущем. Но всё это в далёком прошлом. А в настоящем за двадцать лет не слышал ни от кого из знакомых о том, что их дети учатся на Детской железной дороге. А ведь их вон сколько: во Владикавказе, Волгограде, Екатеринбурге, Иркутске, Казани, Кемерово, Красноярске, Кургане, Лисках, Московской области (Кратово – Жуковский), Нижнем Новгороде, Новомосковске, Новосибирске, Оренбурге, Пензе, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Свободном, Тюмени, Уфе, Хабаровске, Челябинске, Чите, Южно-Сахалинске и Ярославле. Не престижно? Но кто-то должен водить поезда? А сегодня – бронепоезда...

Поезд. Кажется, начинаю понимать прелесть отсутствия авиасообщений... Вдруг появилось время для долгих неспешных размышлений.

Читаю присланную дочерью злобную статью о нас с сыном резко перекарасившейся в жовто-блакитную расцветку вчерашней нашей соотечественницы, а ныне, кажется, жительницы Израиля. Как страшно звучит формулировка обвинения в мой адрес. По её мнению, мой сын погиб, прикрывая своих сослуживцев, только потому, что я его воспитал патриотом. Мол, не «заморочь» я ему голову рассказами о славных наших предках, не участвуй он вместе со мной в телемостах с Новороссией, не напиши он очерк о писателе Евгении Львовиче Войсунком, ветеране Великой Отечественной – была бы иной его судьба... Только забыла она, что не мальчиком бездумным он встал на защиту Родины и за други своя, а зрелым человеком, осознанно и самостоятельно принимающим решения, понима-

ющим, что от этого выбора зависит и его жизнь, и жизни всех его близких, а значит, и существование самой страны (совсем не кажутся мне сегодня эти слова высокопарными).

Думаю, никогда не осмелится она укорить тех своих израильских сограждан, чьи дети погибли в Шестидневной войне или на войне Судного дня. Пусть попробует рассказать им про вред патриотического воспитания.

Вагон поезда – удивительное пространство для размышлений. Вот и эти личные мысли тут же привели за собой другие и начали последовательно разворачиваться, виток за витком, как мне показалось, приведя к интересным выводам, которым я дал название «Этимология победы».

Давненько я стал задумываться о том, как много смысловых подмен произошло в нашей жизни. Мало того что мы стали употреблять в речи англоязычные безликие и безэмоциональные жвачки, но нам незаметно внедрились в сознание искаженные смыслы привычных и важных для нас, русских людей, слов.

Больше десяти лет назад я высказал мысль о запрете использования святых для России имён в так называемом премиальном литературном процессе (чтобы не было у нас по несколько премий Пушкина, Толстого, Державина, Цветаевой, Пастернака, Бунина, св. Александра Невского и т.д.), вручаемых налево-направо... Но вернусь к теме искажения смыслов на примере «Русской премии» (к слову сказать, и «русских» премий оказалось несколько!).

На сайте премии можно узнать, что «Русская премия» – единственная российская литературная премия, присуждающаяся авторам литературных произведений, проживающим за пределами России, в любой стране мира, и пишущим по-русски. Задуманная Чингизом Айтматовым, несомненно, с лучшими намерениями, она выродилась в антирусскую, в чём каждый здравомыслящий человек может сам убедиться, полистав произведения лауреатов (список размещён на сайте Премии). А всё начиналось, если помните, в девяностые, когда каждый россиянин за границей назывался «русским», независимо от его национальности, взглядов и места проживания. Так истинное значение начало размываться, приняв в логотипе Премии противоположное по смыслу, а точнее, слово «русская» стало означать, что русские люди сами же финансируют врагов своего народа, правда, руками предателей в структурах бизнеса и власти.

Итак, вернёмся к разделу «ЭТИМОЛОГИЯ ПОБЕДЫ».

Совсем недавно (как раз в упоминавшейся выше ругательной статейке) меня обозвали «ватником».

ВАТНИК

Нашли чем обидеть... Очень хорошо представляю себе этих типчиков в маминой панамке, не однажды битых нами во дворах за слюнтяйство и трусливое кляузничество, словно уже тогда мы понимали, что за «соседи» живут и растут рядом с нами; и, конечно, ни разу они не носили ватника (фуфайки). Никогда в моём сознании это слово не будет уничижающим. В молодости мы с удовольствием надевали морозными зимами эту удобную и недорогую одежду, были годы, когда ватники стали модными, у них появились различные фасоны, даже приталенные встречались.

МЕМОРИАЛ

Рядом с моим домом на улице Тихорецкой в городе Горьком был и до сих пор находится Мемориал погибшим в годы Великой Отечественной войны – захоронение умерших в госпитале раненых бойцов. А потом появилось общество «Мемориал», члены которого с остервенением начали искажать историю СССР, возводить на пьедестал новых «героев». И постепенно в сознании сограждан это слово стало ассоциироваться не с Мамаевым курганом или Брестской крепостью, а с либеральной группкой мстительно настроенных и проплаченных зарубежными фондами людей. С какой радостью я прочитал в последние дни 2021 года о ликвидации этой организации в России...

Пройдёт несколько лет, и это слово снова засияет в наших сердцах прежними смыслами благодаря открытию Ржевского комплекса, восстановлению Мемориала Саур-Могилы...

НЕТ ВОЙНЕ

Когда стихотворение «Отец солдата» вышло в «ЛГ», мой до той поры товарищ и близкий друг семьи попросил опубликовать его, но забыл предупредить, что добавит к нему лозунг «Нет войне». Через несколько дней я заметил это и попросил убрать не принадлежащие мне слова, вносящие противоположный содержанию смысл, но он согласился убрать только вместе со стихотворением. Я, объясняя ему своё неприятие этого лозунга в дни войны, привёл его нынешний синоним: «Москаляку на гиялку».

Для справки из Википедии: «Москаляку на гиялку» («Москаля на сук») – украинская фраза-лозунг и интернет-ролик со школьной линейки на Украине. В ролике молодые люди скандируют антироссийский украинский выкрик, который в 2014 году

после победы на Украине Евромайдана получил большое распространение.

Представить, что мой «товарищ» не понимал, что делает, я не могу. Он – уважаемый мной за свой талант прозаик, а значит, смыслы слов для него открыты во всей глубине. Такие сегодня пацифисты.

КРАСНЫЙ КРЕСТ

«Красный крест» – в наши дни существует только для нацистов и вээсушников, о которых мы уж больно печёмся и даже с поля боя эвакуируем, а по нашим машинам и полевым госпиталям с таким же «красным крестом» стреляют, палатки с нашими ранеными бойцами сжигают из огнёмётов.

ЭЛИТА

«Элита» – прежнее, насаждаемое нам значение этого слова наконец-то приобретает первоначальное значение. Именно элита России сегодня на поле боя защищает страну от нацизма и «цивилизованных» варваров. Я мечтаю, что вернувшиеся с поля боя с Победой эти парни и девушки получат прекрасное образование и займут своё место в общественной и государственной иерархии, вытеснив «успешных» проамериканских и проевропейских менеджеров, доказавших свою антироссийскую сущность как своими поступками, так и выступлениями в прессе.

НАША АТАКА НА ИХ АЛФАВИТ: Z, V и т.д.

Надо продолжать давление на вражеский алфавит. Пусть отказываются от ещё большего количества букв и обедняют и так скудный свой язык. Пусть откажутся от слов: валюта, вальс, ковбой, университет, Ватикан, веган, Вермонт, стихи, победитель и т.д. На этом слове остановлюсь. Мы не будем возражать, если они про него забудут навсегда. Победитель – Россия.

ШОУ

В насквозь антироссийской Википедии «Шоу» – (англицизм от show) или представление, показ (русскоязычный вариант) – мероприятие развлекательного характера, демонстрирующееся публике и имеющее постановочный характер, не совпадающий с реальностью.

Именно с очернения реалистического русского искусства начали «реформаторы» во времена хрущёвской оттепели.

ФЕЙК

Слово «фейк», заменившее всем нам привычные понятия: ложь, враньё, обман затуманивает, а в итоге стирает смысловую глубину этих страшных слов-явлений.

И сегодня совсем не кажется, что мы опаздываем в информационной войне, несвоевременно реагируем, не столь агрессивны, как противник. Надо наконец понять, что «созидать» зло и врать намного проще, чем делать добро и говорить правду.

Человечество давно доказало, что художественное и образное воспроизведения добра, героизма и святости почти невозможно в мирском исполнении, это удалось воссоздать только в церковной житейной литературе или в героическом эпосе.

МИРНЫЕ-СВОИ-ВАШИ-НАШИ

«Мирные граждане» – это понятие сегодня тоже очень искажено. Пример – в одном из приграничных городов приютили семью беженцев с бывших украинских территорий, пока мамочка отлучилась, девочка детсадовского возраста успокоила хозяйку: «Вот деда с батюшкой москалей побьют, и мы домой вернёмся». Взрослые похитрее. А устами младенца глаголет правда об отравляющих наших бойцов «мирных» или отвечающих на наши запросы по поиску погибших – «своих ещё не всех похоронили... не до ваших», и перевирающие-искажающие видео- и текстовую информацию.

Наши бойцы и военкоры только попытались рассказывать про героическую оборону Мариупольского «дома Павлова» в интернете (к сожалению, центральным каналам команду об этом почему-то так и не дали), а враги сразу же «показали/доказали цивилизованному» миру, что «оккупанты» расстреливают жилые дома в упор. А ведь именно так они сами пытались уничтожить или заставить сдать небольшую группу морпехов и спецназа, оказавшихся в окружении. Но так ничего и не добились. Ну разве почти сровняли с землей пятиэтажное здание общежития «Азовстали», хотя прекрасно знали, что в подвале «мирные» жители Мариуполя в большом количестве.

* * *

Выныриваю в реальность. Поезд давно проехал Лермонтовскую Тавриду. И я вспомнил, что в одном из разговоров с сыном после первого их боевого крещения в Мелитополе посоветовал ему перечитать «Валерик», чтобы понять, что так, как случилось с ним на войне, было из века в век. Литера-

тура обретала плоть на крови пишущих и читающих... Порадовало, что почти у всех ребят-однопольчан с собой в вещмешках были книги, но я не слышал от них, чтобы кто-то про войну читал: поэзия, приключения, фантастика.

Вернёмся к пассажирам. Про одного (харизматичного паренька, родившегося ещё на Украине) уже рассказал в самом начале. Речь теперь о втором. Он белорус 35 лет, живёт и работает в Москве, уже при своей квартире, двадцатилетней жене и новеньком BMW (приобрести машину чуть не помешала СВО, но успела-таки проскочить таможенно до санкций). У белоруса и украинца, несомненно, всё лучшее впереди... Только вот это впереди ни тот ни другой не связывают с жизнью в России. Перебивая друг друга, делятся восторженными впечатлениями от совсем еще недавних зарубежных путешествий: пивные фестивали, танцполы и пляжные знакомства... Молодость. Всё объяснимо, кроме одного: почему им так не нравятся их родные Могилёв и Джанкой? Спрашиваю, конечно, чем же там, кроме праздников тела, лучше? Оказывается, это – главное. «Что же вы на своей улице, в своём городе ничего преобразовать не попытались?» Вопрос ставит их в тупик, да и думать над такими неудобными вопросами они не желают... но твердят наперебой одно: «езде препоны... руки связаны... налоги душат... зачем здесь что-то начинать?» Да. Понимаю. Знаю... Тем более что они уже успели похвалиться своими доходами и бизнес-успехами в душащей их стране.

Меня словно нет рядом для них. Они устали от моего пронизывающего насквозь взгляда. Они уже забыли обо мне, найдя поддержку друг в друге, готовятся к визиту в соседнее купе, там девчата, с которыми они будут пить вино и смеяться всю ночь... Война не с ними. Она не их. Они едут с отдыха, и ничего не должно им помешать «полноценно» жить.

Так лучше. Может, посплю. Но тревога не оставляет меня.

Тревожно, т.к. с первых минут общения выясняется, что пареньки-то полурософобы (вот такое я им лёгонькое определение дал), а ведь именно с ними встретятся парни, вернувшиеся с поля боя... Лица их ровесников, сослуживцев сына я мысленно вижу, когда смотрю на попутчиков. Другие лица. Иные разговоры слышу. Вот об этих парнях-героях я и расскажу поподробнее в следующей части своего очерка.

Так что опять переживаемый с февраля 2022 года моей страной мировой катаклизм не даёт мне спать ни дома, ни в поезде.

Один из комментариев на первую часть очерка пришёл из Донецка, автору он показался совсем не

жестким. Конечно, я же не рассказал о вернувшихся из плена наших парнях, которые уже никогда не станут отцами... И это не их личное горе, а ГОРЕ государственного масштаба, беда каждой семьи, в которой эти парни могли войти счастливыми мужьями и отцами. Так ваша ли это война, россияне? Неужели только тех семей, чьи дети на фронте?

Нет. Не верю, потому что присылают мне со всей страны фотографии плакатов в поддержку спецоперации, потому что формируются добровольческие батальоны по всей стране, а один из моих коллег (кстати, москвич) уже четвёртый месяц не может получить разрешение на подписание контракта, какие только пороги он не обивал...

О чём я ещё не рассказал? О многом, конечно.

Про девятнадцатилетних украинских девчонок-снайперов в Мариуполе, заявлявших на допросах о сознательном извращённом выборе места на теле своих целей. Снайперш – которые ещё встретятся нам на «нюрнбергской» скамье подсудимых.

Не рассказал о рыдающих и бьющихся в истерику в ординаторских медсестрах и врачах белгородских и ростовских больниц, которые от удивленного забывали про врачебное профессиональное спокойствие и некий даже присущий всем медикам цинизм. Перевяжет такая медсестра нескольких мальчишек-калек, и ни валидол, ни спирт уже не берут – прямая дорога к психотерапевту. И не СВО тут виной, а наше бесчувственно-диванное отношение к страданиям гражданского населения, продолжающимся на донецкой, а теперь и бывшей украинской земле.

Да, много о чём не рассказал. Никакого формата не хватит описать каждую историю восьмилетнего противостояния Русского мира с тьмой нацизма. Подробным рассказам время после Победы...

* * *

Среди моих читателей были и псевдоправославные комментаторы, кивающие на всепрощающего Господа, вполне серьёзно называя украинцев «братьями по вере». В числе подобных простителей очень часто встречаются педагоги российских вузов. Несколько лет назад я был ошарашен признанием одного подобного представителя на курсах повышения квалификации в столичном педагогическом институте. Дама с гордостью поведала, как они переучивают за год своих студентов, заменяя в их голове неправильные школьные установки на Рубцова и Есенина «верными» ориентирами: Ахматова, Мандельштам, Солженицын, Бродский, т.е. русские на чуждые, а в сегодняшнем прочтении: предательские. А кроме этого, в её методич-

ках и рабочих тетрадях все тексты были подобраны из переводных книг. Где ты, русская классическая литература? Она, оказывается, трудна к пониманию детей... Поверьте писателю, невозможно научиться русскому языку по переведённым текстам иностранных авторов, тем более в начальных классах. И ещё одна ложка дёгтя: в текстах для всероссийских диктантов-олимпиад были отрывки из произведений антироссийски настроенной израильтянки Горалик (как будто нет у нас русских детских поэтов!). Сколько об этом ни писал поэт и общественный деятель Александр Бобров (статья «Вместо русских – мухи в молоке»), ничего пока не меняется.

Это отступление может показаться вроде бы не по теме, но что же узнают новые россияне (жители Новороссии и освобождённых территорий Украины), приехавшие учиться в наши институты? Неужели разница будет не в получаемой ими информации, а только в языке преподавания?

Поезд же идёт дальше. Ростов-на-Дону. За окном привычный вид прифронтового вокзала. А мыслью я перемещаюсь вглубь города, где расположен один из госпиталей, в котором точно ждут нашей поддержки герои СВО, о ком Президент РФ не раз ещё скажет, что вся страна ими должна гордиться. Что – страна? Придёт день, и весь мир в очередной раз отблагодарит их за спасение.

11.07.2022

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Иногда мне кажется, что эта часть оформилась в текст у меня в голове параллельно с двумя предыдущими. Хотя бы потому, что мысли, которые я переношу на бумагу, в то или другое время были мной прожиты, прочувствованы, проговорены или с близкими, или со своим внутренним собеседником.

Всё потому, что, сколько ни прячься от действительности, однажды она непременно займёт своё место в жизни. Так и сослуживцы сына, вроде бы они где-то далеко, а нет-нет и появляются то в семейном разговоре, то фотографиями из прошлой жизни (они по моей просьбе пересматривают свои архивы, ищут фото и видео с сыном), то приезжают, извиняясь, что побеспокоили.

Приезжают... И не проездом, а целенаправленно, словно им у нас отметку о командировке проставить надо.

Село наше стариннейшее. Когда-то, очень и очень давно, был возле него Можайский тракт, по которому катились тройки, а для них существовали станции для отдыха и смены лошадей (вспомните

пушкинский рассказ «Станционный смотритель»). В те времена, хочешь ты или не хочешь, кто ты ни есть (пусть даже царь), а мимо не проедешь. Остановишься, нужда заставит, да и лошадей менять надо.

Сопоставление, конечно, так себе... Но есть в нём одна ключевая мысль – не сам проезжающий выбирает остановочные пункты, ничего он не может сделать с прописанными не им жизненными правилами.

Так и сослуживцы... Они приезжали и приезжают по сей день, потому что никак не могут миновать нравственную «станцию» с могилой своего «братишки». Помните, как у Аркадия Гайдара? Идут пионеры... Плывут пароходы... Летят самолёты... Салют! Салют! Салют!

Отбудут морпехи и спецназовцы положенный на лечение срок в госпиталях, поживут в подмосковных санаториях, чтобы приободриться душой и телом (научиться заново ходить), и вот мы – смотрите, мы ещё ого-го, хоть крышу починим, хоть траву покосим, хоть дрова поколем.

Понятно, что хорохорятся. Ну куда им пока такие работы выполнять? Рановато ещё. Один даже с костылём только ходить научился. Другой, хоть пересадками кожи да удалением осколков измучен, но назло всем недугам, отбросив костыли, заставляет себя ходить-ходить-ходить (потому что сидеть ему ещё труднее).

Вот и получается, что образовалась на карте России такая станция: село Архангельское, улица Гвардии матроса Ивана Лукина.

Возвращаясь же мысленно к салюту из книги Аркадия Гайдара, стыжусь за гражданские власти, в день освобождения Мариуполя, Лисичанска, ЛНР салюта в России не было... Я даже стихотворение написал об этом, так тоскливо стало. В Дни города в России салюты есть, а в честь победы русского оружия – нет. Хотя это же не война, а спецоперация... Население не должно слишком напрягаться по этому поводу. Кому из мэров, интересно, такая мысль пришла в голову?

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ МАРИУПОЛЯ

*Почему-то не было салюта...
Надо славить павших и живых,
пренебрегших счастьем и уютом;
всей Россией надо славить их.
Славить подвиг. Мужество восславить.
Имена пусть учат наизусть.
Школу, площадь – именем солдата
или в честь матроса назовут.
Да, салютов им совсем не надо.
Матерям, отцам отдайте долг!*

*Все герои жили с вами рядом,
незаметны в поприще простом.
Им салюта хватит и на фронте.
Там такой порою фейерверк,
что видать, наверное, в Европе,
а слышать в Америке, поверь.
Над Москвой бы надо на полнеба,
Млечный Путь раззвездивши в слова,
пусть Россия знает о Победе:
МАРИУПОЛЬ НАШ!*

Один из освободителей Бердянска и Мариуполя (да и множества других небольших донецких посёлков) после долгого лечения вернулся в Севастополь. Очень я переживал за него. Сложная судьба ему дарована Господом, а тут ещё война добавила свой жирный пулевой штрих. Помянули мы Ивана, и поделился он важным событием в своей жизни. Я думал, важность в том, что жив и почти здоров. Разве не разгибающаяся в локте рука в 22 года проблема? Оказалось, совсем другое. Второе рождение!

Мы впервые встретились с ним до войны. Обычный паренёк, окончивший пединститут, ушедший в армию и с первого дня подписавший контракт. Он – спортсмен, вырос у приёмных, но заботливых родителей в селе, а значит, молодая жизнь его была насыщена сельским трудом. Но какие же чистые, без второго дна, у него глаза.

Я почти не помнил наши разговоры той поры. А он, видишь, запомнил. Оказалось, что тогда две темы, касающиеся его жизни, показались мне ключевыми и требующими безотлагательного решения: крещение и свадьба. Я ему и посоветовал обдумать это очень серьёзно.

Прошло полгода мирных будней и три месяца войны, мы встретились, обнялись с осторожностью (ранен же), и тут же сквозь счастливую улыбку он выпалил: «А я один ваш совет уже выполнил. Там почти каждый день себе говорил, вернусь, сразу – креститься пойду. Помнил ваши слова, что Ангел-хранитель лишним никогда не будет. Сразу из госпиталя в церковь пошёл».

Вроде бы я теперь ему за крёстного.

Церковь вошла в мою жизнь в девяностые во времена учёбы в Литературном институте им. А.М.Горького. А вот сын мой вырос при храме. И слова «крест, молитва, родительское благословение» ему были понятны и близки. Может, поэтому я посчитал важным отправить ему видео со своим Благословением, когда их подразделение 7 марта направили на Мариуполь.

Как важно нашим солдатам на фронте ощущать Благословение России. Знать, что их, живых или погибших, не оставят, не забудут, помогут им самим

или их близким. Они такие молодые, что не знают даже, какая горькая судьба была у афганских ветеранов, а позже у ветеранов чеченских войн.

* * *

— **А** где же поезд? – спросит читатель.

Именно в поезде до Ростова-на-Дону мы с коллегой из Тулы и добирались бы, чтобы далее через Таганрог доехать до Новоазовска (на российской стороне пограничный пост Весело-Вознесенка), а дальше в Мариуполь. Ну, не ходят до Мариуполя пока поезда. На днях, правда, сообщали, что из Ейска пошли грузовые паромы. Однако мы предпочли машину. Потерпи, читатель, будут обязательно ещё поезда...

А пока – эти мысли приходят ко мне, ведущему машину по трассе М 4.

Семья, жена и старшие дочери были против моей поездки в Мариуполь. Что ж, они – женщины. Их такие поездки пугают. А меня? Я, конечно, не сын, хотя мы очень похожи. Правда, я никогда не был таким рискованным, как он. К слову сказать, в шестнадцать лет он, едва встав на горные лыжи, целый день раз за разом спускался по профессиональной трассе с Эльбруса. Хотя к тому времени он и сам профессионально восемь лет занимался водным поло. На кураже сын становился очень сильным и бесстрашным, а его волосы быстро меняли свой цвет на рыжий. Таким рыжим он «вернулся» 7 мая домой.

Я сейчас тоже на кураже. Мне надо доехать до места его гибели, увидеть всё своими глазами, чтобы потом можно было снять фильм о мариупольском «доме Павлова», так теперь называют ветераны штурма города тот дом. После возвращения сын мечтал снять фильм. Но это будет не его кино, хотя очень многие картины из своего фильма он успел прописать в дневниках. И даже наметил самые последние кадры и выбрал среди сослуживцев кандидатов на главных героев... Слава Богу, все они живы!

Мой Мариуполь начинался ещё в апреле, когда мы искали Ивана в госпиталях и среди павших на всей территории боёв. К четвёртому мая я уже твёрдо решил, что сам поеду искать сына в Мариуполь. Места боёв и дислокации его подразделения были известны, оставались только технические вопросы с пропусками и ходатайствами. И вот когда я заканчивал пахать землю под посадку, мне позвонил замначштаба 810-й бригады и сказал: «Только что пришло известие – Ваню нашли!» Что можно сказать в такой ситуации? Я сказал, глотая слёзы, что... счастлив. Оказывается, и таким бывает счастье. Ты долго ищешь погибшего сына, и он

«возвращается» домой прямо под День Победы. Тогда мой Мариуполь не состоялся.

И вот пережили мы вручение ордена Мужества, торжественное прощание, открытие мемориальной доски на лицее, в котором учился наш разведчик-морпех, установку памятного камня и присвоение имени гвардии матроса Ивана Лукина улице в селе, где прошло его детство... Какой большой список событий с 8 мая (дня прощания) до 20 июля – торжественного открытия улицы. После этого нам уже можно было ехать в Мариуполь, город, закрытый для въезда гражданским лицам.

А по телевидению и в интернете как раз в это время появились фильмы о боях за Мариуполь и о жизни в нём сегодня. Конечно, я в курсе событий. И всё же мы с дочкой едем... В числе моих коллег-писателей оказались отзывчивые люди, совсем не вхожие в верхние эшелоны власти, как некоторые бывшие мои интервьюеры. Именно отзывчивые коллеги и свели меня со своими друзьями из ДНР. Те, проникнувшись отцовской болью, согласились встретить, отвезти, сопроводить, да и, по большому счёту, официально прикрыть меня, дочь и тульского моего друга, писателя и редактора Сергея Овчинникова. Он с первых дней моих апрельских сборов вызвался стать спутником на этом непростом пути.

В девять утра за пропускным пограничным пунктом в Весело-Вознесенке (с другой стороны – Новоазовск) нас ждал «Вергилий», проводник во плоти, радушный и оправдывающийся за опоздание из-за большой военной колонны на дороге из Донецка. А мы делимся с ним эмоциями от разговора с молодой мамой, женой шахтёра, которая вместе с нами ждала паспортного контроля. Пятилетний мальчонка, постоянно улыбающийся, беловолосый крепыш, так и не сказал ни слова, говорила без остановки она: о том, как хорошо в Крыму, что не смогли проехать домой через Мариуполь, пропуска нет. Смеялась, повторяя слова сына, что в Крыму «негромко». Он – дитё войны, он из того поколения донецких жителей, которые спокойный мир увидели только во время отпуска родителей. Проводник же в ответ рассказывает о зависти друзей в его адрес: Мариуполь в ДНР сейчас самое тихое и мирное место.

Размещаем в багажнике наши рюкзаки, набитые бутылками с водой, едой на сутки, медицинскими препаратами на все случаи жизни (товарищ мой – доктор).

Не для красного словца я назвал нашего проводника «Вергилием». В город мёртвых другие люди и входа не имеют, что было доказано, когда мы с лёгкостью преодолели все блокпосты.

Читатели просили от меня деталей. Пожалуйста. На дворе 25 июля 2022 года. Небо высокое. Солн-

це, взошедшее около 5 часов утра, жарило так, как в Подмоскowie бывает только в июльский полдень. Дорогу можно было бы назвать вполне приличной, если бы на ней оставался асфальт не в шахматном порядке. Воронки от снарядов не очень глубоки, самые огромные давно засыпаны щебёнкой, а вот до частой мелочовки – дорожных дыр – руки не дошли. Так и не для кого. За полтора часа пути встретили пяток машин. В кюветах валялось намного больше. Правда, было не очень понятно, какому периоду боёв они принадлежали. А вот блокпосты легко отличимы друг от друга. Наши, т.е. ДНРовские, («сепаров», по укровской терминологии), невысокие, в одно бревно толщиной и с мешками песка повсюду, а майдановского замеса другие: металл в палец толщиной, бойницы с электронными глазницами, а рядом для отхода – второй такой же, мол, пострелял и спрячься... Но это им не помогло. Следы пули и осколков были только на наших укреплениях, а цивилизованные захисники бежали, даже не оказав здесь серьёзного сопротивления, до Мариуполя. Всё самое страшное случится именно там – в городе.

А пока мы встречаем плотно застроенные посёлки Гусельщиково, Красноармейское, Куликово, Октябрь, Пищевик, Талаковка с большим количеством жителей старше среднего возраста на улицах, остановках, у магазинчиков, но в основном женщин. Все они с любопытством долго провожают взглядом наш выдавший виды «жигулёнок». О чём думают эти женщины? Где их мужья, дети и внуки? Хотя почти на каждом заборе и доме легко читаются крупные буквы «дети», «укрытие». Я рад (если такому можно радоваться), что все разрушения пока только на дороге и по её краям. В одном из сёл на улице стоит такая привычная пекарня для самсы и чебуреков, что всем одновременно захотелось поесть. Мы не остановились, решив, что на обратном пути перекусим, а пока главное – добраться до цели.

На очередном пункте контроля нашего сопровождающего узнают в лицо, но документы всё же проверяют у всех. Порядок есть порядок. Вопрос один: «Куда?» Ответ прост: «Из Москвы. В Мариуполь». Поля уже убраны, солома в копнах разной формы сложена штабелями высотой с трёхэтажные здания. Война войной, а летние сельхозработы никто не отменял.

Это сейчас всё вокруг даже под палящим южным солнцем кажется вечнозелёным. Впереди зима. Скотину надо будет кормить, дома греть. А пока мы не понимаем, есть ли вокруг свет и газ. Провода кое-где на столбах сохранились, трубы вдоль стен не оторваны и не искорёжены взрывами.

Проводник всё время рассказывает о восьми годах беспросветного существования, когда даже в окопах приходилось только считать прилёты, а отвечать было запрещено. И вот дождалось. Пусть сейчас и минирование «лепестками» Донецка ведётся активно, и американские орудия не прекращают обстрелы, но уверенность в окончательной победе и мирной жизни в составе России у всех стопроцентная. Одно расстраивает его, вот и референдум того гляди проведёт Херсонщина, а в ДНР процесс затягивается из-за не полностью освобождённой территории республики. Дорога долгая, а тема одна – война и мир.

Заезжаем в город с севера, так повёл нас навигатор, который, как всегда, выбирает знакомые ему маршруты, а не те, которые удобны водителю. (На обратном пути нам поможет известная поговорка: «Язык до Киева доведёт». Она окажется мудрее «всезнающего» навигатора, но самсы мы уже не отведаем.) Намучавшись совсем не взрослыми утробными колесами после тряски на дороге, окунаемся в городскую застройку вдоль Таганрогского шоссе. У знака «Мариуполь» очень хочется нам сфотографироваться, но милиционер настойчиво предлагает проезжать. Рано ещё фотосессии устраивать.

Все заправки разбиты, навстречу попадает рейсовый автобус, только что отъехавший от остановки. Медленно, объезжая засыпанные галькой воронки, он движется к перекрёстку, перед которым навигатор предупреждает про контроль скорости и светофоры. Всего этого ещё нет, есть только знаки главной дороги. Мы ожидали большего количества машин и жителей. И ошиблись. Попадавшие по пути пешеходы были нагружены гуманитаркой. Коляски или больничные тележки везли чаще старушки. Однажды, как солнечный лучик во тьме и гари, дорогу перешла молодая женщина с четырех-пятилетним ребёнком: короткая юбка, ухоженные волосы, даже макияж. Жизнь продолжается, даже если любимого мужчины рядом нет. Пусть мужчины поскорее вернуться. Оглядевшись вокруг, понимаешь, сколько работы их ждёт. Мирной работы. А вот она уже и ведётся. Бригада электриков восстанавливает провода. И таких бригад мы встретим много.

Ещё на границе мы заметили несколько автобусов с рабочими разной национальности. Они – контрактники, но на мирном фронте. Как пошутил проводник, скоро в России некому будет ремонтировать дороги и убирать улицы, все рабочие переберутся на новые территории, и зарплата выше, и климат помягче, да и женщин свободных будет много (это уже с горечью сказано)...

Таганрогское шоссе под колёсами нашего вишневого авто давно перешло в одноимённую улицу. Дочь постоянно снимает законный пейзаж. Движение у нас небыстрое, и всё же детали мы рассмотрим потом, просмотрев отснятое видео. Многоэтажные кварталы когда-то светлых тонов сейчас прокопчённые, безоконные, тянутся километр за километром. Но вот первые уцелевшие домики. Чем ниже этажность, тем в лучшем состоянии жильё. С военной точки зрения всё понятно. Из многоэтажек дальше видно, в них легче скрыться, да и живой щит там куда многочисленнее.

Движемся медленно из-за боязни наехать на осколки. Проводник опасается прокола шин. А шиномонтаж за два часа дороги встретился нам лишь однажды... По улице Мерзляка (Иван Дмитриевич, родился в 1915 году, Герой Советского Союза, рабочий завода «Азовсталь», погиб в бою с фашистами под Харьковом в 1943 году) направляемся в сторону «Азовстали» и упираемся в знак «Стоп» и людей с автоматами. Здесь вообще никто не встречает тебя с полосатой палочкой, всегда автомат наперевес, внимательный взгляд, дистанция и товарищ для прикрытия за спиной.

Спустя два часа пути навигатор сообщает нам, что до конца маршрута осталось 200 метров, «Вергилий» с документами пробует договориться о дальнейшем пути. Я же, оглядевшись, интуитивно узнаю искомые развалины, прежде бывшие общежитием завода. Выхожу и слышу, что впереди всё перекрыто: Гурьевская, Граверная, Лепортовская... Нет дальше пути. Выслушав о наших задачах и внимательно рассмотрев документы, ребята с автоматами соглашаются пропустить нас к зданию, раза три повторив: «Ходить только по асфальту. Вокруг ещё не до конца разминировано». Соседняя улица перегорожена остатками брони с БТР, «Тайфунов», «Тигров» и неразорвавшимися головками ракет, что сразу же создаёт иллюзию некоторой театральности, киношности, но это до первых шагов в сторону здания и клика проводника: «Стоп, граната!» Вот она зеленеет, полуприсыпана землёй, на общем фоне выжженной черноты и цементно-кирпичной серости. Пишу и ловлю себя на мысли, что после часа изучения этих развалин уже на мирной российской земле всё ещё сначала смотрю под ноги и лишь потом делаю шаг.

Читатель, тебе точно нужна вводная. Я с апреля по крупницам собирал истории про оборону небольшой группы разведчиков в здании общежития «Азовстали». Март, утро двенадцатого. БТРы разведчиков-морпехов 810-й бригады, «Тигры» поддержки со спецназом ГРУ и морпеховскими штурмовиками выдвигаются в самое логово вэесушников – на

«Азовсталь». Разведчики – двенадцать добровольцев, наиболее подготовленных и обученных к совместной слаженной работе бойцов. До этого места по адресу: Граверная, д. 2 наши освободители потом с боями будут продвигаться метр за метром почти месяц. А у этой группы задание: провести разведку местности, проверить и попытаться разминировать мост, очистить проход со стороны Набережной улицы для бойцов из чеченских подразделений.

Всё пошло не по плану. На видео, снятом украми с квадрокоптера (оно в интернете в свободном доступе чуть ли не с первых дней окружения), виден момент первого обстрела нашей техники. Пришлось занять круговую оборону в пятиэтажном здании общежития. Занять оборону в доме, где мирных жителей больше, чем обороняющихся, непросто. Воды и еды на всех хватит лишь на пару дней. За пять дней жесточайшего противостояния пехоте и танкам противника, под постоянным миномётным огнём, подразделению удалось зачистить все прилегающие здания, провести разведку, выяснив местоположение штаба ВСУ, а впоследствии навести на него ракетный удар с самолётов, захватить и получить ценные сведения от нескольких пленённых снайперов и наводчиков.

Утро второго дня закончилось неудачной попыткой прорыва к своим. Во время отхода в здание два пулемётчика, прикрывавших товарищей, были сражены снайперским огнём. Двое сильных физически и крупных телесно морпеха практически своей грудью прикрывали отход ребят, встав на БТРе в полный рост и ведя непрерывный огонь. Обычная ситуация? Но не в разведке. Такая в ежедневной рутинной военной работе может быть почти каждый день? Надо будет спросить у профессионалов.

В то утро их погибло двое: Евгений Бухарин и Иван Лукин. Очень надеюсь, что на родине Жени его память столь же достойно чтут, как и память моего сына. Симферополь, ты слышишь меня? На днях глава Крыма Сергей Аксёнов озвучил, что «...всем главам администраций рекомендовано принимать меры для увековечения памяти ребят, которые не вернулись с СВО. Они все – герои, не только те, которым присвоено звание «Герои России». Поэтому поддерживаю такую практику, чтобы новые улицы, скверы, установка бюстов становились памятью тех, кто защищал нашу Родину».

Я же, начав всё это рассказывать, находясь в нашем повествовании на месте событий, вынужден отвлечься, потому что ещё по дороге в Мариуполь, после торжественного открытия улицы имени гвардии матроса Ивана Лукина в нашем селе несколько односельчан (они в меньшинстве, но все же есть) подняли бучу по поводу этого события, связанного

именно с сохранением памяти. Живёшь с людьми бок о бок двадцать лет, и вдруг оказывается, что у нас во многом различные взгляды на жизнь. Одного не устроило, что глава района, прежде чем подписать постановление о переименовании улицы, не посоветовался с жителями села (при этом он действовал строго по букве закона). Другой выразил удивление, почему так быстро это произошло, другим погибшим ещё ничего не сделали в стране, а нашему земляку, даже для некоторых из противников – сокашнику, раз – и память на века. Третий просто назвал меня пиарщиком на смерти сына, потому что в прессе соболезнования высказывали не просто отцу, а поэту Борису Лукину. То, что сын погиб на «непонятной войне» – «непонятной» для них – сельчане тоже упомянули. Я совсем не собираюсь писать на них жалобы в соответствующие органы, хотя закон о ложной информации про СВО давно действует. Я всю дорогу думал сам и обсуждал с товарищами проблему человеческой совести. И, конечно, жизненного выбора. Кто-то идёт защищать Родину, не думая о последствиях. Кто-то сидит при своём хозяйстве и мечтает, чтобы ничто вокруг не менялось, никто его не нервировал пространственными изменениями и прочими жизненными обстоятельствами. Но обязательно все должны его уважать за достаток и постоянное приращение оного. Если перефразировать Высоцкого: неправильные книги читали «товарищи», не про те смыслы жизни кино смотрели.

Спустя неделю после поездки в Мариуполь посетили мы с дочкой 35-ю береговую батарею в Севастополе, где два года назад сын присягал Родине. Бродил я по обширной мемориальной территории, зашёл и в часовню Михаила Архангела, на стенах которой, среди икон есть и лик святого адмирала Ушакова, а на стене у входа, видимо стараниями прихожан, размещены десятки маленьких иконок и портрет воина Евгения. Так надо ли нам гордиться убиенными героями? Надо ли сохранять о них память? Или, может, разрушить мемориал? А поклоняться только ельцинским реформам, холокосту и хрущёвскому антисталинскому докладу?

Уже выходя с территории Батареи, обратил внимание на мужа и жену: он в форме морпеха, она во всём белом, но на майке не привычные уже и раздражающие английские слова, а простая, но берущая за живое фраза на русском языке «Жена морпеха и мать матроса. УЖЕ ДВУХ». Как говорится – без комментариев.

На ту же тему читал недавно стихотворение, сюжет прост: у матери два сына солдата, один погибает, на похороны второй не может приехать, он в этот день участвует в параде на Красной площади. И завершается оно такими строч-

ками: «Два сына у меня – подарок Бога, Две гордости, два солнца, две судьбы...»

В связи с этим вспомнились мне стихи недавних лет других столичных поэтесс, в которых они дружно сетовали на то, что мальчишкам насильно прививают тягу к игрушкам военной направленности, что надо «демилитаризировать» их детство. Тогда им не захочется идти служить в армию, потому что защита Родины сопряжена всегда с угрозой их здоровью и жизни. Есть и такие матери на свете. Одной из них я был вынужден ответить после похожих причитаний о страшной судьбе сына, что каждый выбирает свою судьбу сам, а живёт и умирает ради тех ценностей, которые считал важными для себя, т.е. так, как воспитывался.

И ещё про пиар. Слово-то односельчане слышали, а вот смысл его не поняли. В инете сразу можно найти значение (этого иностранного слова): Public Relations – публичные отношения, связи с общественностью, отношения с общественностью, общественные связи... «Связи с общественностью». Ну и как мне за счёт сына улучшить связи с общественностью? Тем более что все мои связи выявились сразу, как только мне стали выражать соболезнования как поэту и общественному деятелю. А отец я в семье. Отец я – для сына и дочерей. Как отца меня попытался унижить/обидеть известный кинодеятель, выдающий себя за патриота, приславший мне эсэмэску: «Борис Иванович, не надо отправлять сыновей на гибель. И тем более этим гордиться». А разве я гордился именно этим? Я горжусь достойным поведением сына в бою, его самостоятельным выбором пути в трудный жизненный момент, тем, что мы с ним так похожи в своём мироощущении и желании сделать мир справедливее и нравственно чище.

И на фоне этих ситуаций с согражданами мне теперь не кажется странным, что Иван оказался первым погибшим во время СВО москвичом (по месту рождения и прописке) и первым погибшим в нашем районе Подмосковья. Ну не хотят «достойные» отцы, чтобы их сыновья служили Отечеству. Может, поэтому у приславшего эсэмэску один сын живёт в Германии, а другой в Беларуси? Типичная ситуация. Грустная ситуация людей без родины.

И не удивительно, что по дороге из Москвы в Крым мы опять не встретили плакатов в поддержку СВО и наших героев, а уж сколько раз внушал президент местной «элите» про необходимость поддержки. Разговор о войне ведётся совсем не на тех каналах и не теми ведущими, которых бы услышали. Потому что на тех же каналах идут шоу и сериалы из прошлой довоенной жизни (снятые в основном по американским лекалам). Нет им доверия. Это в народе называется: наступать на собственные грабли.

* * *

Вернёмся же в Мариуполь... Мы очень осторожно идём по асфальтированной дорожке к дому. Домом его теперь назвать очень сложно. Остались перекрытия в центре здания, одна стена с тыльной стороны Граверной улицы. Если готовить декорации для съёмок фильма, то ничего добавлять не придётся: в комнате третьего этажа без стены который месяц стоит стул на трёх ножках, четвёртая над матрася. На втором – панцирная кровать без матрася, а за ней тьма обгоревшей стены. Пять этажей смерти, бывших когда-то этажами жизни. Пять этажей с возможностью обороняться на все четыре стороны. Крыша (её сейчас нет), с которой утром (из воспоминаний участника событий) так больно было смотреть на последний подбитый БТР с лежащим на броне телом товарища, и видеть на его лице незабываемую улыбку после недоговорённой очередной шутки.

Через несколько дней на набережной Нахимова в Севастополе мы с сослуживцами сына будем рассматривать фото и видео, отснятые нами в Мариуполе. И я в очередной раз осознаю, что, увидев всё своими глазами, почти ничего не понял даже после рекогносцировки на местности. Но зато позже, отсмотрев снятое видео вместе с участниками, понял, что и кобура, и лента от пулемёта найдена нами именно на месте гибели сына.

По утрам я обычно молюсь. Сегодня, в последний день июля, в день памяти святых отцов шести Вселенских соборов (в День ВМФ, кстати сказать) в утреннем чтении есть слова: «злословия злословящих Тебя пали на Меня». И я вспомнил строки из стихотворения сына: «За глаза слова чужие, рваные, – пронесутся над могилой сплетни». Молюсь...

Станным образом, с марта почти ничего серьёзного не читаю (разве что последний том дневников Ольги Берггольц). Я, человек книги, прочитывавший ежедневно не одну сотню страниц – словно ослеп. А тут однополчане привезли вещевой мешок сына. В рюкзаке, переданном нам ещё в апреле, было три книги, в этом вещмешке их пять. Я начинаю вспоминать наши разговоры времён его студенчества в Литературном институте. Беседы о литературном процессе. Об особенностях этого процесса. Сына нет. Процесс идёт. Объявлены новые номинанты на премию «Ясная Поляна», на «Большая книга». Интересная особенность: около половины представленных книг на обе премии выпущены одним и тем же издательством. При этом некоторые из авторов внесены в России в списки иноагентов. Задавать вопросы редакции, выпуск

тившей или переиздавшей эти книги, совсем не хочется, а вот спросить устами Ольги Фёдоровны Берггольц из далёких военных и послевоенных лет хочу: «Куда лауреаты отправят свои премии? Помогут ли они фронту?» Мы как-то совсем позабыли, что победа в войне – дело каждого, а не обобщенно-безлично государственное. Припомнились и дневники Твардовского, когда он оправдывался перед полуголодной женой за то, что свою Сталинскую премию передал в фонд обороны, впрочем, как и предыдущую – «на культуру Смоленщины».

Поэтому и шли в бой именные танки, и летели именные самолёты. Вы видели хоть один именной сегодня? Артист Яхонтов отправил на фронт танк «Владимир Маяковский», работницы Свердловского макаронного завода – танк «Боевая подруга», «За радянську Україну» – на личные сбережения писателя А.Е. Корнейчука, на САУ «Мариуполь – мстит» внесли деньги супруги Астаховы, танк «Подарок сыну» подарили отец и мать Ширмановы единственному сыну, на подаренных участниками оркестра Утёсова самолётах с надписью «Весёлые ребята» дрались с фашистами два экипажа, и многие, многие, многие другие примеры можно привести. Где же нынешние деятели культуры, народные и заслуженные артисты? Почему на вражьей стороне их «коллеги» (многие из них бывшие россияне) смело заявляют о своих вспоможениях фронту, а наши стыдливо отмалчиваются. Только не говорите мне про их скромность. Сегодня она неуместна. Вот МОО «Вече» не стыдясь показывает свою работу. Прекрасный пример для подражания. А если я ошибаюсь, и такие примеры есть, и они не единичны, тогда вопрос к СМИ, почему они замалчивают эти добрые и важные дела, акцентируя наше внимание на житейской ерунде «звёзд» и олигархов? Вопросов много. Мой очерк во многом для вопросов к жизни. Ответы жизнь привыкла давать сама. Ответы мы видим на примере людских судеб.

Призыв «Если не я, то кто же?!» должен сегодня перестать быть унижающим собственное буржуазное достоинство человека. Пора молодёжи и поколению менеджеров очнуться и понять, что все их прежние идеалы теперь рассыпаются в прах. На дворе середина 2022 года – предвестника глобальных изменений в истории европейской цивилизации. Год, который вселяет в меня надежды на жизнь не по лжи не только внутри себя, но во внешних поступках и свершениях. Но один из постулатов этой солженицынской методики следует кардинально подправить: свобода выражения собственных мыслей не должна приносить вреда Родине, потому что известно: «Человеку свойственно ошибаться, а глупцу – настаивать на своих ошибках». Спасибо

Цицерону, мысль проста, но очень насущна для выросших во лжи поколений россиян.

Не подумайте, что пишу я о своих размышлениях, обо всех этих людях (односельчанах – коллегах – попутчиках в поездах) из очерка в очерк для того, чтобы дожидаться некоего сочувствия и поддержки от читателей, мол, какой вокруг меня и в нашей стране народец и, мол, осуждать в такой ситуации мои взгляды нельзя, их исключительно все должны понимать и поддерживать! Нет, пишу, чтобы картинка была ясна со всех сторон, чтобы читающий осмыслил, понял и сделал правильные выводы, что в нашей жизни и так может быть. Честь и совесть людскую, высокие моральные принципы, патриотизм, как прекрасные огородные растения, надо культивировать в себе изо дня в день; клеветников, равнодушных, отмалчивающихся, предателей и других, живущих под маской миролюбия в военное время, – искоренять как сорняк. Даже словом искоренять! Для этого и пишу правду своей судьбы. Не жду сочувствия и прошу не считать, что я жалуюсь на людей и ропщу на судьбу. Упаси бог. Моя задача иная. Я призываю думать и размышлять о человеческой сущности на живом примере, на моём в первую очередь.

Очень вовремя на ту же тему выступил В.В. Путин: «Российский народ всегда сможет отличить истинных патриотов от подонков и предателей и просто выплюнет их как случайно залетевшую в рот мушку». По мнению президента, такое «естественное и необходимое самоочищение общества» только укрепит страну.

И напоследок. Считаю идеологически важным не только создание мемориала в центре Мариуполя в память о воинах, погибших за освобождение города от неонацистов, но и аналогичного мемориала в районе «Азовстали», а рядом обязательно – мирным жителям, с упоминанием вины не русских солдат, а укронацистов, использовавших женщин, стариков и детей как живой щит. Вот это и будет действенным воплощением правды и свободы слова, особенно после информации из Риги, где мэра заявили об уничтожении памятника освободителям города уже после его сноса.

P.S. В день моего отъезда из Севастополя в Москву из Бригады сообщили, что все участники боёв за Мариуполь представлены к медали «За освобождение Мариуполя», а медали погибшего сына и его однополчанина Евгения Бухарина будут вручены нам – родственникам героев по месту жительства.

22 июля – 2 августа 2022 года,
Москва – Таганрог – Севастополь

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Следует предупредить читателя, что я сознательно не стал выстраивать текст этой части очерка в хронологическом порядке. Повествование составлено по ассоциативному принципу.

Сегодня – 20 ноября 2022 года. Почему начинаю именно с этого дня, хотя до него, да и после прожито уже несколько месяцев? В этот воскресный день в Севастополе состоялось важное событие для семьи и друзей участников СВО: основана Аллея Героев в честь погибших за Отечество воинов.

Семьдесят пять кипарисов были посажены родными и однополчанами героев. Инициатором выступил Совет матерей, вдов и сестёр. Руководство города и фонд «Мы – севастопольцы» помогли с оформлением и организацией, а курсанты Нахимовского училища приняли самое активное участие в акции.

Сегодня мало читают периодические издания, поэтому повторяю здесь свою заметку, написанную для «Литературной газеты», но с небольшими дополнениями.

ГЕРОИ КРЫМА

Кого удивишь кипарисами в этом благословенном краю? Это редкое дерево может расти 2000 лет, поэтому, наверное, 75 кипарисов высадили 20 ноября в Студенческом сквере возле Парка Победы в Севастополе.

Если бы эта акция была даже просто экологическим мероприятием, всё равно привлекла бы внимание. Но в этот день произошло очень важное для города-героя Севастополя событие: 75 деревьев обрели имена – их высадили в честь воинов-героев Черноморского флота, погибших в ходе СВО за девять месяцев борьбы с неонацистами. Если посмотреть на карту Севастополя, то сразу заметишь, что Студенческий сквер расположен напротив Нахимовского училища, основанного сразу же после присоединения Крыма к России в 2014 году. Примыкает сквер к Парку Победы с мемориалами городов-героев Советского Союза.

Славное прошлое страны – с одной стороны. Великое будущее – с другой. А между ними судьбы 75 воинов из разных городов и краёв нашей огромной страны, служивших на Черноморском флоте.

Не так просто было организовать это событие. Но Совет матерей, вдов и сестёр воинов ЧФ при содействии благотворительного фонда «Мы – севастопольцы», администрации Севастополя, Православной церкви и Черноморского флота смогли всего за

месяц воплотить казавшуюся несбыточной мечту об увековечении памяти сыновей, мужей, отцов.

К сожалению, многие родственники не смогли приехать. Не так просто добраться сегодня до Севастополя в нужное время. Но от их имени деревья посадили однополчане и курсанты-нахимовцы.

В числе обратившихся к собравшимся были представитель ЧФ, председатель совета депутатов города. На площади перед ними было много детей. Совсем маленькая девочка, видимо, дочь одного из тех, чьим именем назовут кипарис, безмятежно рисует что-то мелом... Она ещё не всё понимает в происходящем. Но пройдут годы, и она придёт в этот парк сама, приведёт жену, а потом расскажет своим детям и внукам о том, каким был её отец – их дед...

А нахимовцы? Кто из них не мечтает о славе адмирала? Все они отлично знают героическую историю Севастополя и подвиги моряков на протяжении нескольких столетий. Вот им ещё один пример беззаветной любви к Родине, заботе о безопасности своих семей, мирной жизни будущих поколений.

Перед аллеей установлен памятный камень с мемориальной табличкой, на которой каждый может прочесть: «Аллея Героев заложена 20.11.2022 в память о защитниках Отечества в ходе СВО». Открыла церемонию вдова заместителя командующего Черноморским флотом, капитана первого ранга Андрея Палия.

Конечно, этот небольшой временный монумент будет заменён после Победы. Но сейчас главное внимание совсем не к нему, а к двум рядам кипарисов. Они выстроились в парадном строю. Рядом с ними те, кто ждал возвращения своих любимых домой живыми и здоровыми. Но вернулись они в жизнь Вечную, во славе воинов-героев, отдавших жизнь свои за Отечество, веру и други своя.

У микрофона меняются выступающие, говорящие о символичности события, о своевременности, о значимости его для живущих.

А ряды родственников с фотографиями в руках ждут самого важного момента.

Как, оказывается, мало времени надо, чтобы посадить деревце и привязать к нему именную бирочку. Почти как в роддоме к ручке младенца. Только тут к именам добавлены звания: матрос, гвардии матрос, старший прапорщик, мичман, ефрейтор, старшина, старший сержант, гвардии лейтенант, гвардии полковник, гвардии капитан, гвардии майор, капитан 1-го ранга... И у каждого в сердце звучит место гибели: остров Змеиный, Мелитополь, Мариуполь, Бердянск, Херсон, воды Черного моря...

Вечная память вам! Многая лета деревцам!

Здравствуйтесь, дорогие наши воины! Звучит гимн России. В небо взлетают белые шары, на многих из них написаны послания. И никто уже давно не скрывает слёз.

Читаю благодарственные послания в чате Совета. Питер низко кланяется и благодарит за то, что помнят воинов. Москва, Ростов-на-Дону, Киров, Санкт-Петербург, Рязань... это только центральная часть России. Плечом к плечу с ней необъятная Сибирь, Дальний Восток и Кавказские регионы.

Многие из деревьев высажены в память о воинах 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты, в их числе и мой сын – гвардии матрос Иван Лукин.

Низкий поклон однополчанам, принявшим участие в акции.

Растите, кипарисы, обретшие свои имена и фамилии. Запомни, страна, день 20 ноября 2022 года – День рождения в Вечную жизнь достойнейших сыновей страны. Теперь мы будем часто встречаться с вами и знать вас поимённо...

Быстро летит время. А в эти военные дни – особенно стремительно. Вроде бы события недавних месяцев ещё свежи в памяти, но оказывается, что вокруг так много изменений, что невольно задумываешься: надо ли о прошлом?

Надо... тем более что всё нижеследующее записано было по горячим следам, да и не такое уж оно и прошлое...

Однако прежде чем оглянуться назад, скажу о сегодняшнем ощущении окружающего мира. Российское общество продолжает меняться и разделяться. Теперь противостояние это стало куда более заметным. Одна часть общества занимается увековечением памяти своих погибших сыновей и мужей. Другая – пытается отойти от шока после проведённой мобилизации, отправляет своим «новобранцам» посылки и молится об их возвращении домой. Третья остывает после негодования, что мужья и сыновья ушли добровольцами. Четвёртая прикладывает все усилия, чтобы спрятаться самой и укрыть «своих». Но делать это им приходится очень хитро: придумывая заболевания отпрыскам (типа ожирения), усиленно продвигая через СМИ мысли о том, что сбежавшие очень важны для страны и что именно они, вернувшись, будут поднимать послевоенную экономику, так как являются самым ценным интеллектуальным фондом страны. Пятая шипит по поводу всего происходящего с «кукишем в кармане» и призывами одуматься и проявить снисхождение к украинским «братьям», ставя во главу угла их обманутость русофобской пропагандой.

Разделение прошло по всем гражданским российским фронтам. А на фоне этого – почти полная

фронтальная сплочённость и небывалая поддержка армии в прифронтовой полосе... Всё-таки девятый месяц воюем, и навык приобретён, и опыт появился, и приёмчики врага, прежде «блещущие новизной», оскомины набили...

В те же дни произошло ещё одно столь же важное, сколь и горькое событие для нашей семьи. В зоне спецоперации 6 ноября на одном из самых опасных направлений, Херсонском, погиб протоиерей Михаил Васильев, которого с любовью называли «батюшкой ВДВ» (Герой России, посмертно). Мы не были с ним знакомы. Есть, конечно, небольшая вероятность, что мы могли встречаться с ним в приходе о. Дмитрия Смирнова в Петровском парке у метро «Динамо» в далёкие девяностые. Один из моих товарищей по Литературному институту им. А.М. Горького, как ни странно, его однофамилец о. Фёдор Васильев, намекнул мне про возможность такого временного пересечения. Откуда такое внимание к его гибели в нашей семье? А всё просто. В октябре жена рассказала о передаче «Кино и смыслы» на канале «Культура», посвящённой фильму «Белорусский вокзал». В этой передаче о. Михаил был почти чужим. Один участник вспоминал про «неуютные для живой жизни шестидесятников послевоенные годы», воспроизведённые в киноленте, собеседница призналась, что ни разу не досмотрела фильм до финала. (Обычные столичные интеллигенты, режиссёр и критик, по-разному прячущиеся от правды за либеральными лозунгами и пустословием о преувеличении роли ветеранского ресурса, об отличии СВО от настоящей войны, о праве людей понимать патриотизм в своём кухонном смысле.) И только о. Михаил отметил важность этого фильма сейчас как возможность задуматься о судьбах сотен тысяч участников СВО, которые скоро вернутся в мирную жизнь с желанием жить не по лжи. И спор существования «поколения без войны», но с возможностью состояться исторически, всё же решается не умными рассуждениями критиков о задавленной свободе в шестидесятые (с намёком на судьбу нынешнего поколения навальнят или на поиске внутреннего врага), а высказанными мыслями о. Михаила с опорой на жизнь и боевой опыт священника на грани жизни и смерти, ничего не замалчивающего, ни перед кем не склоняющего голову. И всё это потому, что жить в мирной жизни с ощущением военной правды, когда «вот враг... и наше дело правое» просто неприемлемо для обывателя в любых веках. Как сильно сказано им о необходимости видеть «внутреннего врага» и бороться с ним, «проявляя любовь к Родине не творческими посылами и эпитетами, а через действие, защищая государство и свой народ, а не только территорию». Многие он ус-

пел сделать в жизни и сказать о смыслах, им понятых. Услышьте его спокойную речь.

Мы с женой, как люди воцерковленные, постарались разузнать, что же это за смелый человек. И нашли на канале «Спас» беседу, в которой он посоветовал ведущим «больше времени тратить на деторождение и меньше на телеэфиры... такое вам батюшкино благословение». Теперь это и завещание отца Михаила всем нам. Отец шестерых детей имел на это право... Признаюсь, что только от него услышал я призывы к увеличению количества священников в армии. Меня именно это больше всего за живое взяло: слова о насущной потребности присутствия на передовой батюшек. Скажу и то, что слышал собственными ушами от одного из севастопольских священников. На мой вопрос: «Почему священники не бывают в воинских частях?» – он поведал о запрете официально посещать театр военных действий. После небольшой паузы он продолжил, чем и заслужил моё уважение и доверие: «Поэтому мы берём отпуск и ездим нелегально...» Неужели наша Церковь боится санкций или конфискации своей собственности, или ареста счетов по всему миру?

Только представьте, в православной стране тебя почти нелегально доставляют к страждущим... Пересказывать все истории и чудеса из жизни о. Михаила не буду, всё сегодня легко можно найти в интернете (хоть какая-то от него польза). Но то, что нам явно не хватает подобных священников, могу сказать как прихожанин. Потому что сегодня служить молебны «за мир во всём мире» – это, по моему мнению, равносильно предательству! Потому что нет патриаршего решения, что все требы по убиенным воинам творятся постоянно и без денежных приношений. Езжу я по стране много и знаю точно, что в одних местах не берут ни рубля, каким бы длинным список ни был, а в других – строго следуют прејскуранту... В-третьих же, священники наставляют паству на обязательности постоянной лепты в церковь, забывая о том, что на передовой без этой нецерковной, а гражданской, гуманитарной «лепты» могло прибавиться нынче ещё «трёхсотых».

Это моё личное мнение, основанное на жизненном опыте. Я обещал в самой первой из частей этого очерка быть жёстким и ничего не замалчивать. Вот только один вопрос: будет ли это напечатано сейчас хоть где-то в России?

Поэтому не отпускает меня не только военная тема, но и мысли о личности о. Михаила. Не так много я встречал в своей жизни достойных священников, к которым всей душой бы стремился на исповедь и покаянный разговор... Царствие ему Небесное!

* * *

И всё же обо всём по порядку. Вернусь на несколько месяцев назад.

30 сентября опять произошли серьёзные изменения в мироустройстве. ДНР, ЛНР и освобожденные территории бывшей Украины по итогам референдумов вошли в состав России.

Неделю спустя я пересекаю Крымский мост со стороны России. В Тамани впервые услышал объявление, что при посадке в поезда необходимо пройти таможенный контроль.

В поезде я стараюсь ни с кем не общаться. Пробую слушать. Но в поездах тишина. Люди почти перестали разговаривать друг с другом «за жизнь».

Пока писал часть этого текста – проехали Крымский мост. Слава Богу. К сожалению, он был и остаётся наиболее тревожным местом на еще мирной российской территории... Продолжаем жить и работать. Хорошо бы дальше говорить только о своём, сокровенном. Но вмешивается суэта житейская. Солнце за окном почти летнее. А уезжал из промозглой Москвы, залитой дождями, пронизанной ветром. Мой поезд «Таврия», следующий по маршруту Москва – Феодосия, оказался последним летним в расписании компании. Обратного поезда по этому маршруту уже нет. Значит, курортный сезон закончился. А вот билетов, как и летом, не купить. СВО продолжается с новой силой. В прессе все разговоры о частичной мобилизации.

В третьей части этого очерка я не рассказал об июльской обратной дороге из Мариуполя и обо всех тогдашних моих спутниках.

Выразивший желание поехать со мной к месту гибели сына тульский писатель Сергей Овчинников слово своё сдержал. И всю дорогу до Мариуполя он, профессиональный доктор, мечтал хоть час посвятить оказанию медпомощи мариупольцам. Возможно, Сергей был очень тактичным в мой адрес, или график у нас оказался жёстким, а может, общее впечатление от увиденного так нас приземлило, что на обратном пути мы все словно позабыли о его желании и поехали опять же по выбранному мной маршруту. Его я обдумывал несколько месяцев, изучая карту города, расспрашивая морпехов. Так что от места гибели сына и его товарищей во время героической обороны мариупольского «дома Павлова», окруженной группы морпехов 810-й бригады и спецназовцев ГРУ – мы поехали по пути их продвижения утром 13 марта.

В День морпеха на сайте ТАСС было опубликовано интервью с начальником штаба 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты Яном Сухано-

вым, принимавшим участие в боях за город. Вот заинтересовавший меня отрывок: «В конце февраля мы действовали двумя батальонными тактическими группами (БТГ). Первая прибыла из Крыма – места постоянной дислокации соединения, вторая высаживалась в составе десантного отряда со стороны Бердянска. В первых числах марта мы участвовали в освобождении Мелитополя, затем в ночь с 7 на 8 марта поступил приказ выдвинуться в направлении Мариуполя, блокировать его и установить над ним контроль. 10 марта 2022 года подразделения морских пехотинцев одними из первых вошли в Мариуполь. ...Помните знаменитый на весь мир Дом Павлова в Сталинграде?! Тот самый, в котором во время Сталинградской битвы почти два месяца героически держала оборону группа советских бойцов. Так вот в Мариуполе у нас была похожая история.

Одна из батальонных тактических групп 810-й бригады, которая заходила с восточной стороны города, получила задачу блокировать автомобильный мост, ведущий к заводу «Азовсталь», чтобы, с одной стороны, не допустить поступление туда резервов, с другой – не выпустить с завода уже закрепившихся там боевиков. В итоге морпехи заняли один из ближайших к мосту домов и огнем не подпускали противника к переправе. Разумеется, вскоре наших ребят стали штурмовать, и продолжалось это несколько дней...»

(Полная версия

<https://tass.ru/armiya-i-opk/16414203>)

К месту дислокации подразделения, на улицу Виновградную, ехали мы недолго, всего-то минут двадцать. Городской пейзаж по дороге воочию убедил нас в том, с какой интенсивностью в этих местах велись бои. Улица упиралась в храмовые ворота, за ними открывался вид на величественное здание собора Архангела Михаила. Я не мог не посетить этот храм. В нашем селе церковь освящена тоже в честь Архистратига Божьего Михаила, сын вырос при храме, посещая его по воскресеньям почти с самого рождения, исповедуясь и причащаясь, даже несколько лет батюшка благословлял его быть звонарём, пока колокольню не закрыли по ветхости.

Перед воротами в храмовый парк – перекрёсток, продутый всеми ветрами. Мы выбираем место на площадке для парковки, за нашей спиной дорога в центр города с голыми столбами освещения и свисающими до земли обрывками проводов, слева и справа выгоревшие многоэтажки. Ветер приносит от домов запах городской свалки, горелок и тучи мух, которые не успевают остановиться, чтобы прицепиться к нам. Ветер Азовского моря будет сопровождать нас ещё долго...

На храмовом взгорке, с самой крутизны, открывался прекрасный вид на Азовское море, на прибрежные, в низине, кварталы частных домов, на огромные отвалы отработанного шлака с завода «Азовсталь» (рад, что решение по рекультивации этого места принято и место это станет Парком Победы). Как здесь будет опять красиво после восстановления! Я поймал себя на мысли, что очень хочу жить в Мариуполе (жаль, что семья против, боится за меня из-за постоянного психологического давления «Азовстали»).

На часах чуть больше 13.00. Асфальтированная дорога для проезда машин через парк к Свято-Архангельскому собору вся в засыпанных щебёнкой белых кругах и «цветах» от осколков снарядов. Если не знать, что за каждым таким разрывом могла быть очередная смерть, то красота этих «цветов» вполне может вызвать восторг у какого-нибудь конструктивиста. Действительно, почему бы не сфотографировать все эти «цветы смерти» Мариуполя, не совместить их с фотографиями погибших и не транслировать эти картинки со словами памяти вместо рекламы по телевидению и в кинотеатрах? Кстати, направления всех разрывов на аллее от снарядов, выпущенных со стороны «Азовстали», да и повреждения на куполе показывают, что обстреливали церковь укронацисты.

Думаю, грешным делом, и об этом, пока ищу настоятеля. А он в трудах, у него с визитом представители администрации города, они обсуждают вопросы ремонта церкви, восстановления памятника митрополиту Игнатию на смотровой площадке и многое другое. Об этом узнаю от женщины из иконной лавки. Там же оставляю лепту на восстановление храма и поминальную записку по погибшим разведчикам-морпехам из бригады сына.

Мимо этого храма они уходили утром 13 марта 2022 года в разведывательный рейд. И обратно при эвакуации их вывозили мимо его стен. И даже «Тайфун» с грузом 300 подбили тут же. Звонили колокол в те горькие дни? Молились ли прихожане? И о чём молились? Когда-нибудь услышу ответы на все вопросы...

Мы крестимся и кланяемся на крест полуразрушенного купола собора и под усиливающимся дождём и ветром уезжаем под горку в поисках места дислокации бригады в те мартовские дни.

Конечно, всё давно прибрано вдоль улицы. Лишь на одной из просторных песчаных площадок ещё видны следы размещения военной техники, остатки материала палаток, обмундирования, опорных конструкций.

На наши вопросы местные жители отвечают неохотно и пожимают плечами. Может, прибыли в

эти места позже... Разрушенных домов почти нет. Единичны следы обстрелов. По пути попадает одна из работающих в Мариуполе российских бригад электриков, восстанавливающих провода от столба к столбу. А мы проезжаем мимо, выбираемся из посёлка и оказываемся на территориях нескольких пионерских лагерей, расположенных вдоль моря друг за другом, занятых теперь нашими военными. Дочка упрасивает остановиться, очень хочется ей угостить кофе, пирожками и прочей снедью ребят, отдыхающих тут и там. Как мы ей ни объясняем, что, скорее всего, они ничего не возьмут, что приказ у них такой – она всё же убегает... И возвращается обратно расстроенная. Но поболтать с мальчишками, почти её ровесниками, ей всё же удалось.

Мы проезжаем через КПП, предварительно уступив дорогу встречной колонне автомашин, на бортах которых, кроме тактических знаков Z, нанесены надписи «Разминирование». Вот уж чего в Мариуполе не на один месяц точно, так это разминирования и строительства. Теперь на нас смотрят и провозожают уже внимательные взгляды.

Выезжаем из Мариуполя по незнакомой дороге и обнаруживаем наличие отличной трассы (местами только ведётся ремонт, но это было уже не наше прежнее «направление» вместо дороги). Подсознательно, наверное, мы не захотели ещё раз испытать впечатление от разрушений в городе.

День стремился к 16.00. Устроив небольшой перекус тем, что не взяли солдаты, вдруг вспомнили позавчерашнюю ночёвку на белгородской земле у гостеприимных хозяев с мирным благополучным достатком в доме.

* * *

Далее опять взгляд ещё глубже в прошлое... В Мариуполь из Москвы мы целенаправленно ехали через белгородское село Вышние Пены. Посмотреть на селение рядом с границей хотелось, а ещё познакомиться с людьми, которые с первых дней СВО еженедельно помогают нашим бойцам, подвозя им к границе плоды своих сельских трудов, насколько позволяет багажник их машины.

Хозяева первым делом отправили нас в баню. Славное это дело – русская банька после долгой дороги. Усталость как рукой сняло. Вот бы нашим парням такие привалы делать... А им порой по неделе не умыться, не побриться, так успешные менеджеры армейскую жизнь усовершенствовать успели, не говоря уже об отсутствии горячей пищи на привале, если, конечно, сам не подсуетишься, будто после боя есть время у бойцов для проявления своих поварских умений.

Так и хочется отправить этих менеджеров готовить обеды парням, хотя бы на недельку, а ещё пусть прачечную в районе боевых действий найдут, чтобы договор с ней заключить на обслуживание подразделения, находящегося в постоянном огневом контакте с противником.

...Мы на мирной территории. Между заходами в парную разговорился с хозяином. Сразу за баней в саду-огороде меня поразил необычный вал. Оказался полужасыпанным противотанковым рвом времён Великой Отечественной. Этот ров тянулся, оказывается, чуть ли не через всю Белгородчину. И стирали его с лица земли сельчане-крестьяне многие десятилетия. Подумалось мне тогда, что не окажи наша армия долгожданную помощь донецким жителям, пришлось бы нам этот вал опять копать. А судя по тому, как сейчас, в сентябре-октябре, развиваются события, уж точно – пришлось бы всем миром рыть. *(В октябре-ноябре похожие фортификационные работы были начаты, а в ноябре и отряды территориальной обороны стали формировать. – Прим. автора.)* За столом пообщались о вынужденных переселенцах-беженцах, которых становится всё больше. Местные жители с опаской смотрят на них, потому что не понимают, чем они живут и где работают. Позже, в ноябре, узнаём, что по ночам на улицах села пьяные «беженцы» кричат: «слава Украине». ...А мы опять терпим. Надеюсь, что с появлением подразделений теробороны этого уже не будет.

Поводырь наш «Вергилий», теперь и назвать его можно – депутат ДНР Мирослав Руденко, рассказывал множество историй из донецких буден, из прошлого и настоящего. А мы впитывали их, запоминали, писателю очень нужны рассказы от первого лица, мысли свидетелей происходившего.

И главной темой было: воссоединение региона с Россией и нежелание каких-либо замиренений с противником. Наелись они этими «мирными» договоренностями с цивилизованным Западом, во время которых восемь лет гибли мирные жители Донбасса.

Уже потом, после торжественного возвращения четырёх территорий в состав РФ, я с беспокойством буду спрашивать Мирослава о бомбежках Донецка, о том, есть ли вода, газ, отопление, электричество после очередной атаки.

Он, привыкший к трудностям военно-гражданской жизни, немногословно рассказывает о необходимости опять идти искать воду не только для бытовых нужд, но и для того, чтобы приготовить еду себе и детям. А совсем скоро надо будет искать воду для заполнения системы отопления.

* * *

Моя вторая поездка в Мариуполь могла быть и другой. С коллегами по Союзу писателей России, вроде бы откликнувшись на мою просьбу о включении в писательскую группу по работе в ДНР и ЛНР, ничего не получилось. А вот бывший мой сосед по селу, много лет как переехавший, оказавшийся, к моему удивлению, сотрудником аппарата Управления делами Президента РФ, не только приехал с детьми на могилу гвардии матроса Ивана Лукина (его дети росли рядом и знали сына), но и предложил мне предоставить стихи для исполнения их народным артистом России Александром Михайловым в Мариуполе. Я слабо верил в эти планы. Но настал день, когда мы встретились ранним утром на Ленинградском шоссе и поехали на Чкаловский военный аэродром. Тут я и выяснил, концерт (а точнее, музыкально-поэтическая композиция) называется «Мариуполь – Москва. Во имя жизни». А скрывались эти планы в целях безопасности его участников.

Ту-154 – лайнер хоть и старенький (даже столики у сидений были раритетные, деревянные, советской поры), но с достаточно просторным салоном – вместил всю сотню пассажиров: организаторов поездки, гостей, народного артиста России Александра Михайлова, музыкантов Государственного Кремлёвского оркестра Управления делами Президента Российской Федерации. С художественным руководителем оркестра Константином Чудовским мы оказываемся на соседних креслах и общаемся почти весь полёт. О чём? О семьях. У Чудовского четверо детей. Он, оказывается, успевает не только руководить Кремлевским оркестром, но и дирижировать в оркестрах театров Екатеринбург, Москвы и даже в одном из муниципалитетов Чили. Не смирились православные родители с гендерно-нейтральным воспитанием детей в общеобразовательных учреждениях, навязывавших семьям участие в регулярных переодеваниях мальчиков в девочек и наоборот (дни такие каждую неделю придумали: когда ученикам предлагается почувствовать себя существом другого пола).

Всего два часа полёта, и нас встречает Ростов-на-Дону. Удобно. Лётчики – просто асы. Короткий крутой взлёт, стремительный полёт, мягкий спуск и посадка.

За бортом почти лето: яркое солнце, лёгкий ветерок. С трапа открывается вид на автобусы и внедорожники. Сопровождающие нас военные тут же делают мне замечание из-за фотографирования. А как удержаться? В моей жизни такое событие может и не повториться... Вокруг гражданские, поли-

ция, военные, автоинспекция – привычно выстраивают колонну. В то время (на календаре середина сентября) организация подобного межгосударственного мероприятия – дело энергозатратное. В Мариуполе опасность ещё существовала, хотя в это время военные действия уже не велись. Мне рассказывали в Донецке и о снайперах, и о диверсантах. Поэтому безопасность обеспечивали в этой поездке генерал-лейтенант Новожилов Виктор Валерьевич, бойцы подразделения «Ахмат» и Народной милиции ДНР. Хотя пообщаться удалось только с чеченскими товарищами.

По маршруту нас везёт «зелёный коридор»: на границе и таможене, в посёлках и городе. И вот уже за спиной осталась приграничная километровая очередь из грузовиков, строительной техники и легковушек. Мариуполь восстанавливается. Ему требуется очень много стройматериалов, рабочей силы. И все они ждут-ждут-ждут таможенного досмотра: оконные стеклопакеты, двери, лестничные марши, бухты с проводами, кабелем, трубы. А мы удивляемся и негодуем, понимая, что вот уж для них-то абсолютно точно нужны подобные нашему «зелёные коридоры». Обгоняем колонну из автобусов с надписью на бортах «Санкт-Петербург и Мариуполь – города-побратимы». Россия слов на ветер не бросает. Позже узнаю, что это была лишь часть из 30 машин, подаренных городом на Нева многострадальным призывцам.

В Мариуполе, куда мы прибыли после полудня, был праздник – День освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в сентябре далёкого 1943 года. И в 2022 году, наверное, он стал одним из главных в их жизни. Приятно было по возвращении в Москву посмотреть по центральным каналам сюжеты об истории освобождения города в 1943 году. А параллельно шли документальные фильмы о дне нынешнем.

Первый раз я был в Мариуполе в последних числах июля. С той поры город заметно ожил: строятся новые жилые кварталы, начал работать общественный транспорт, появились светофоры, отменены пропуски, вечером местами мелькает свет в домах.

Проехав через покалеченные войной кварталы, оказываемся на Театральной площади. Привычные и для Москвы ограждения и полицейские машины, обилие военных, а вокруг полуразрушенные здания, одно из которых – сгоревшая библиотека без окон и дверей, одной стены у неё нет, видны внутренние помещения с книжными полками. Картина мрачная: всё обуглившееся. Тысячелетние знания мира погибли весной 2022 года. И в таком состоянии все библиотеки Мариуполя. Плохо без воды, канализации и света, но есть же у человека душа, а

она требует высокого. Сердце щемит... (Мне удалось пообщаться с одним из сотрудников отдела культуры города. Конечно, я предложил им прислать книги. Но в ответ он попросил меня отложить эту нужную акцию до лучших времён. От неё же я узнал об отсутствии русской библиотеки даже в университете.) Радует только то, что совсем рядом Свято-Покровский храм, чуть ли не единственный в городе не пострадавший в период боёв.

Для концерта-реквиема «Во имя жизни – Мариуполь», организованного Управлением делами Президента РФ при поддержке Министерства обороны сцена была смонтирована у остова здания Драматического театра, взорванного укронацистами весной 2022 года. Здание почти прозрачно: остались только несущие стены и лестничные проёмы. Ночью это особенно стало заметно. Восстановление идёт, но слишком много бытовых трудностей у города и его жителей при подготовке к зиме. Пока трупка Мариупольского республиканского академического ордена «Знак Почёта» русского драматического театра переехала в бывший Дом пионеров (Центр детского и юношеского творчества), где и открыла свой 145-й театральный сезон спектаклем «Минуты вдохновения». И пусть в театре всего 16 актёров и 10 музыкантов в оркестре и они ещё не успели восстановить в своём репертуаре русские народные танцы и песни, но театр очень нужен людям. Поддержал возрождающийся театр и заместитель председателя правительства Донецкой Народной Республики Владимир Антонов, вручив его директору сертификат на автобус для актёров и объявив о предстоящих осенних гастролях в России.

* * *

Концерт «Во имя жизни – Мариуполь» должен был начаться ближе к вечеру. Я заранее прослушал все четыре части Четвёртой симфонии великого П.И. Чайковского и даже выпросил у дирижёра в самолёте, в чём, по его мнению, её уникальность. А вот поэтическую композицию я ждал с нетерпением. Когда ещё прозвучат мои стихи, посвящённые воинам-героям и сыну в самом освобождённом ими Мариуполе в исполнении народного артиста России Александра Михайлова?

Перед началом концерта мы, конечно же, не усидели на месте и попытались добраться до «дома Павлова». Сделать это в незнакомом городе с отсутствующими указателями направлений и без навигатора было достаточно проблематично. Я приблизительно представлял карту огромного Мариуполя. И мы поехали кратчайшей дорогой через те три моста, которые и должны были под-

готовить к разминированию морпехи 810-й бригады. Один мост нам даже удалось проехать, лавируя между воронками на дорожном полотне и бредущими в обе стороны прохожими с тачками. Но в конце мост оказался перекрыт бетонными ограждениями, нам объяснили, что проезда нет, так как один мост всё ещё заминирован, а другой разрушен взрывами и стал непроезжим.

Пришлось искать местного жителя. И если бы не волевой характер Владимира Алексеевича, мы бы так и не добрались к искомому дому, а тем более не вернулись к началу концерта на площадь.

Так я оказался на месте гибели сына во второй раз.

Вы спросите, зачем мне надо было опять туда ехать? Первый раз я действительно не спеша обследовал руины дома со всех сторон, даже пытался сопоставить имеющееся видео, чтобы понять, где именно он погиб утром 13 или 14 марта (участники путаются в датах). И казалось, что нашел. Но при встрече с однополчанами выяснилось – ошибся. Теперь я точно знал это место. Именно там мы и подобрали с дочкой пулемётную ленту, кобуру для пистолета (возможно, сына), патронный ящик, множество гильз. Первым делом я опять набрал землицы в крупнокалиберную гильзу. Но была у меня задумка, мучившая с момента прошлого посещения, водрузить над зданием знамя Победы и флаг бригады. Вот ещё и с этой целью мы стремились на улицу Граверную, д. 2.

Потратили время на поиски древка. Но и это препятствие мы преодолели. И вот на уровне второго этажа мне удается поставить оба флага. Я смотрю с этой верхней точки на место гибели сына и мысленно беседую с ним и его однополчанами, повторяя про себя одни и те же слова из своего стихотворения: «Мариуполь НАШ!»

Когда мы вернулись к зданию театра, на сцену, где разместился оркестр, уже поднимались почётные гости: депутаты Госдумы РФ Дмитрий Новиков и Казбек Тайсаев, председатель НС ДНР Владимир Бидёвка, Герой России Ахва Авидзба. После приветственного послания исполняющего обязанности главы ДНР Дениса Пушилина, символичность проведения концерта-реквиема в честь мужества жителей русского города Мариуполя в День его освобождения советскими воинами в 1943 году отметила руководитель Управления делами Президента России Ольга Лякина.

Почти каждый выступающий не только вспоминал подвиг героев-освободителей, но и перечислял нынешние достижения по восстановлению города. Для меня оказались особенно важными два эпизода во время исполнения симфонии. Все

встали, когда Александр Михайлов перед чтением моего стихотворения «Отец солдата» произнёс посвящение гвардии матросу Ивану Лукину и всем погибшим при освобождении Мариуполя морпехам 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты. Эта «Минута молчания» длилась всю третью часть симфонии. За 14 минут присутствующие воины и мирные жители, в основном женщины и дети, успели вспомнить поимённо всех своих погибших близких и друзей. У многих в глазах были слёзы... Плакал и я.

Зрители не понаслышке знали, как героически сражались морпехи. Позже нашёл интервью с Героем России с позывным «Струна». Он тоже рассказал про «дом Павлова»: – Самый запомнившийся бой? Разные были ситуации. Например, когда четверо суток просидели в одном доме в окружении. Это было в самом начале спецоперации, тогда ещё многого не знали и не умели, были очень самоуверенны. О чем думали в тот момент? Там шутили больше. Особенно в таких случаях, когда удар вражеского танка по дому... Мы его видим, но достать из РПГ не можем. Остаётся только шутить над «прилетами». В окружении были ребята из разных подразделений. В моменты отдыха сидели, общались, обменивались номерами, приглашали друг друга в гости: «Да у меня там...» – «И у меня тоже дома это...» – «Приедешь – такое застолье устроим!» – «И я к тебе приеду».

А после финальных аккордов симфонии и продолжительных аплодисментов Константин Чудовский, главный дирижёр обновлённого Кремлёвского оркестра, отменил в интервью одной из телекомпаний: «Эмоции сегодня были необычными. Энергетический фон оказался настолько высок, что невозможно было не прослезиться. Я проплакал чуть ли не весь концерт. Хорошо, что стоял спиной к зрителям».

Торжественный для всех нас день закончился на трагической ноте. По дороге в Ростов-на-Дону мы узнали, что наши войска оставили на Харьковском направлении сразу четыре города. Это стало главной темой во время обратной дороги. А ещё не преминул я высказать одному из присутствующих депутатов Думы РФ свои мысли о необходимости сохранения генофонда нации, особенно в такие трудные времена. Предложил создать государственный фонд криоконсервации биоматериала, куда в добровольном порядке воины могли бы сдать гарантию своего будущего потомства. За эти месяцы я не однажды слышал сетования вдов и родителей погибших, жалевших об отсутствии наследников. Да и сам я не отказался бы от такого посмертного чуда. Де-

путат долго молчал, но обещал посоветоваться с юристами и обдумать этот вопрос. Может, и правда, удастся сдвинуть эту тему с мёртвой точки в сторону жизни.

Концерт российских деятелей искусств стал важной вехой в современной истории города и символом веры в возрождение многострадального Мариуполя. Высказанный одним из выступавших тезис «Будущее начинается сегодня» прозвучал более чем актуально в этот Святой День памяти и гордости за подвиги героев прошлого и настоящего.

Не могу не вспомнить ещё одно знакомство, дорога, как известно, располагает к общению. В составе делегации был главный редактор журнала «Деловой Грозный» Хусейн Ибрагимов. На мой вопрос, почему он решил приехать в Мариуполь именно в этот день, ответил: «Когда я узнал, что планируется такой концерт, сразу понял, что нельзя пропустить это историческое событие. Стать причастным к истории, приложить свои усилия в организации, оказать посильную помощь – вот мои отправные желания. Я рад, что всё удалось. Октябрьский номер нашего журнала подробно расскажет о концерте, его организаторах, участниках и Мариуполе».

Мы возвращались в Ростов-на-Дону на машинах с номерными знаками «Ахмат»; перед глазами стояли воодушевлённые, улыбающиеся лица слушателей, уверенно смотрящие в будущее, а в душе всё звучали стихи и вечная музыка Чайковского.

Вернусь в 30 сентября. Долгожданный для всех русских людей день воссоединения с Россией территорий бывшей Украины. Особенным это вымоленное и выстраданное событие стало для долготерпеливых жителей ЛДНР. Вряд ли было что-то подобное в мировой истории, чтобы восемь лет небольшая страна защищала своё право на национальный суверенитет, родной язык и историю, погибая на передовой и в тылу, мучаясь без воды, отопления, электричества и прочих «благ цивилизации». Я в этот день был в Севастополе, встречался с однополчанами сына. Как показатель общественной обстановки тех дней: по «Авторadio» в момент трансляции речи Президента РФ звучали пошленькие песенки, а сразу по окончании церемонии подписания документов о Единении были новости, где ни слова не сказали об этом ключевом событии дня. Дня, который в церковном календаре значится праздничным: мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Воистину по надежде даруется, по вере воздастся, по любви и плоды.

* * *

А теперь про однополчан хочу поговорить хоть немного. Очень мало я рассказал о них. Встречаемся мы с ними в Севастополе всегда. Что это? Поминальный обед? (Так я назвал в итоге одно из стихотворений в книге «Отец солдата».) Можно и так сказать. Но ещё и разговор о прошлом, настоящем, будущем.

В настоящем – рапорта на новые контракты, ожидание долгожданных наград орденами и медалями, поиски снаряжения и средств на него. В будущем чаще всего видится учёба, семья, служба – у одних, гражданка – у других. А пока мы обмываем медали «За отвагу», «Жукова» «Суворова», «За заслуги перед Отечеством»... Ждём, очень ждём вручения медали «За освобождение Мариуполя». Город этот стал сразу их Бородино, Сталинградом и Берлином вместе взятыми. Первые серьёзные бои и потери, первое ощущение бессилия помочь и вера в чудо при удачном спасении, даже обретение веры, когда все запертые от взрывов в «Тайфуне» 300-е в один голос начинают повторять за кем-то невидимым, да и неизвестным, в темноте слова из молитвы Христовой, чтобы жизнь им Господь даровал. И Он ДАРОВАЛ...

Я, как и другие родители погибших героев, регулярно встречаюсь с равнодушием чиновников. Порой кажется, что говорить об этом во время войны не ко времени. Но когда же об этом ещё рассказывать. Именно сейчас надо менять регламенты работ учреждений, сроки рассмотрения движения документов по инстанциям внутри Министерства обороны, чтобы награды вручались хотя бы через месяц после подписания указа, денежное вознаграждение за фронтовые дни не откладывались на «после Победы», увековечение памяти погибших было обязательным в каждом регионе, а родители просто согласовывали с властями, как это правильнее сделать.

Дни моего очередного визита в Севастополь совпали со многими событиями. Например, оказались потеряны мои документы на выплаты за орден, а в банке, обслуживающем военных на территории Крыма, пришлось просидеть почти четыре часа, чтобы совершить наследственные действия.

В очередной раз меня поразила оторванность НАШЕГО Крыма от материковой сотовой связи, банковского обслуживания, медицинской помощи, почтовой связи.

Побывал я и на собрании родителей погибших матросов и офицеров ЧФ.

Очередной благотворительный фонд решил

получить государственный грант, сославшись в документах на участие в его работе родственников погибших и показав основным направлением их поддержку.

Всё бы хорошо, да вот сразу же насторожили меня слова руководителя фонда о том, что увековечивать память героев надо только после победы, что служебные квартиры надо обязательно освободить вдовам и т.д. Хотя абсолютно понятно, что государству было бы несложно предоставить семьям погибших ипотеку под «нулевой» процент и переселить семьи в новые квартиры организованно. А сейчас родственники в понятном после потери близкого человека состоянии вынуждены бегать по банкам и пробовать оформить ипотеку на банковских условиях. Ох, по скольким ещё вопросам им приходится пороги обивать!

Да разве это единственная проблема? Наличие горячей линии в Минобороны дело хорошее, но почему не начать срочно создавать специальные отделы психологов и чиновников при военкоматах по работе с семьями погибших, по работе с семьями воюющих и самими ранеными?

Читаю жалобы и истории из личного опыта в чате Совета матерей, вдов и сестёр. Такое ощущение, что ничего из месяца в месяц не меняется в их положении: задержка выплат, невозможность своевременно оформить бумаги для школ и детских садов и прочее, прочее.

Грустно и больно слышать каждый раз от чиновников различных ведомств, что всё-всё будет после окончания СВО, а пока, мол, важнее другие вопросы.

Не могу не упомянуть, что в неофициальной беседе многие поддержали моё предложение об организации поездок родственников к местам гибели близких. Поверьте, я испытал это на себе, очень это нужно любящему сердцу...

* * *

На этом фоне случайные впечатления от информационного пространства и окружающей жизни (просто через запятую): концерт Орбакайте в Крыму (не она ли была выпровожена со спектакля в Вахтанговском театре, потому что отказалась встать во время исполнения Гимна РФ в память о погибших воинах), спектакль по дневникам Фаины Раневской и, жирным довеском к этой мелочовке, скандал с мисс Крым-2022. Можно пошутить по поводу «блондинки», не знавшей, конечно, что она поёт, но есть очень большие сомнения. И это в Крыму? Чего же удивляться, что в России опять вернулись на привычное место в

сетке передач (а некоторые и не покидали её) фантастика, комеди клуб, квн и прочая «очень нужная» чушь (особенно грустно оттого, что все эти остряки могли бы защищать Родину вместо бессмысленного препровождения времени); на сайте «Триколор Кино и ТВ» (обратите внимание на смысл названия!) одни голливудские глупости и постоянная реклама самого сегодня нужного стране фильма «Цой» от очень «патриотичного» режиссёра-бегунка. Не отстают и другие каналы. Самое время выбрано и для сериала про всемирного известного развратника, пусть и в юмористическом смысле.

* * *

Я ещё в поезде. И главная новость дня про обнаружение тела погибшего в июне летчика, комбрига вражеских ВВС. Что-то я не понимаю? Неужели все ведущие СМИ России: РИА «Новости», «Известия», «Российская газета», а вслед за ними всякая мелочь, публикуя эту информацию, а некоторые еще и с фотографией, не понимают, насколько это неправильно? Риторический вопрос к орденоносным редакторам и редакциям... Это вы про кого столько пишете?

Почему бы им, например, не рассказать о проекте «Литературной газеты» и «Завтра» – «Буханка Донбассу»? Два поэта: Алексей Шорохов и Игорь Панин взяли за это непростое дело и довели его до финала. И даже две машины («буханки» УАЗ) уже успели передать подразделениям в Горловке.

Хоть бы и не об этом проекте рассказали (конкуренты же!), так взяли бы у них интервью, пусть коротенькое, они бы рассказали о многих наших соотечественниках, которые по силам перечисляли свои средства для помощи фронту. Знаю, что и курсанты филиала Академии РВСН из своей стипендии помогали. Но самое-то главное – в итоге продавец подарил машину! А на собранные средства было закуплено необходимое на фронте снаряжение. О, где же было телевидение? Почему имена таких удивительных людей не знает страна? (Подробности читайте в «Литературной газете».)

* * *

Наш поезд останавливается. Станция «Ростов-на-Дону». Я очень хорошо помню всё, связанное с этим городом: военный госпиталь, холодильники морга, цинк, груз двести, транспортный самолёт в Москву.

Стою у вагонного окна, поздняя осень в Ростов-на-Дону ещё не дошла, по-сентябрьски тепло,

солнечно. В вагоне появляется женщина лет тридцати с мальчиком. Конечно, я сразу вспомнил своего сына. Мы много ездили с ним в поездах. В те времена, хотя и постсоветские, на вагонах ещё были надписи «Горький – Ленинград». В ленинградском поезде Иван и сделал свои первые шаги в восемь с половиной месяцев... Резвым сын был с детства.

Слышу, что кто-то бегаёт вдоль купе по всему вагону. Это новый пассажир – мальчуган. При моём появлении он прячется в купе. Выглядывает в коридор его мама. Здравуюсь. Мальчугана зовут Вова. Родился он в Абакане. Мама, судя по всему, не жена военного, потому что счастливые, не беспокойные у неё глаза.

Всем бы матерям в России сейчас такие глаза...

А мальчонке я подарил брелок-якорёк, про себя проговорив «в память об Иване», вспомнив строки из стихотворения, написанного на вокзале в Симферополе о семье однополчанина и его детях:

*Мне не жалко сыновья машинки
сослуживца детишкам отдать,
жизнь у них – не из книжки картинка,
на войне им взрослеть и играть:
как отцы – моряки и морпехи
и в тельняшки с пелёнок вросли;
матерям, доложив об успехах
«город взят»... спят до завтра без сил.*

Весь день с улыбкой и слезой смотрю я на шустрого мальчугана. Что его ждёт в будущем? Какое оно будет? Думаю о мире и счастье для него, отвечая на СМС-ки однополчан сына, ждущих доставки привезённой мною гуманитарки и объ-

ёмного пакета треугольников «Письмо солдату» от учеников подмосковного Нестеровского лицея, который с отличием окончил сын. Через некоторое время парни с передовой роботизированными голосами наговорят и пришлют видео с благодарностью на фоне побитого пулями и осколками БМП. (И это правильно... Впереди ещё есть много важных задач к выполнению!)

Очень мне хотелось пусть немногим, но помочь ребятам на передовой: хотя понимаю, что привезённых тридцати килограммов продуктов и нескольких комплектов теплого белья хватит им ненадолго... Они отказывались от постоянно предлагаемой мною помощи, но в ноябре, видимо, что-то изменилось, а может, как всегда неожиданно для чиновников, началась зима.

На дворе середина декабря 2022 года... Именины Андреев зимних, названных по святым в память апостола Андрея Первозванного. Десять месяцев СВО на исходе...

Отправляю по России друзьям новую книгу «Отец солдата». Читаю рецензию на неё в «Литературной газете». Готовлю свою машину для отправки разведчикам на фронт.

Скоро Никола Зимний и финал года. Каким будет 2023 год? Почему-то не думаю об этом вообще. 2022 год приучил жить днём нынешним, его молитвами, упованиями, свершениями.

Декабрь, 2022

Борис Иванович ЛУКИН –

поэт, критик, переводчик, издатель.

Родился в 1964 г. в городе Горьком (Нижний Новгород).

Выпускник Литературного института им. А.М. Горького.

Работал редактором в изданиях «Российский писатель» и «Литературная газета», гл. редактором МХАТ им. Горького.

Преподаёт в институте Театрального искусства им. П.М. Ершова.

Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях

Книги стихов «Понятие о прямом пути» (1995),

«Междуречье» (2007), «Долгота времени» (2008),

«Поединок» (2010), «LeLь» (2012), «Сад земной» (2019),

«Чернец» (2019), «Летосовращение» (2021).

Автор книг: «Жить-нам-поживать. Переводы из коми поэзии»,

«Олонхо на два голоса. Переводы из якутской поэзии».

Лауреат Большой литературной премии России и др.

Имеет государственные награды за литературные труды.

